

Г. Тейхмюллеръ.

**ДАРВИНИЗМЪ И
ФИЛОСОФІЯ.**

Переводъ

А. К. Николаева

подъ редакцію

Евгенія Боброва,

и. д. доцента философіи при Императорскомъ Юрьевскомъ
Университетѣ.

ЮРЬЕВЪ.

ПЕЧАТНЯ Б. А. ГЕРМАНА.

1894.

Дозволено цензурою. -- Юрьевъ, 29 сентября 1893 года.

2024391704

Предлагаемое въ переводѣ сочиненіе Тейхмюллера представляетъ собою актовую рѣчь, произнесенную въ Дерптскомъ Университетѣ 12 декабря 1876 г. Впослѣдствіи она была распространена и появилась въ печати двумя изданіями: въ университетскомъ стчетѣ за означенный годъ и отдѣльною брошюрой съ особымъ предисловіемъ; въ переводѣ удержаны оба начала.

Сочиненіе посвящено памяти незадолго предъ тѣмъ скончавшагося естествовѣда К. Э. Бэра, проживавшаго свои дни въ Дерптѣ; нашъ философъ состоялъ съ великимъ натуралистомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Выборъ темы обусловленъ ихъ учеными бесѣдами.

Въ ряду работъ, вызванныхъ появленіемъ дарвинизма, „Дарвинизмъ и философія“ Тейхмюллера занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Сами его противники, стъявленные дарвинисты, какъ напр., К а с п а р и, признали, что „болѣе послѣдовательной теоріи и не могло быть представлено.“ Воздавая Дарвину (стр. 77) должное, Тейхмюллеръ безпощадно разоблачилъ философскую несостоятельность вы-

ставленной имъ теоріи и самъ предлагаетъ (правда, черезчуръ вкратцѣ) нѣсколько логически возможныхъ путей развитія органическихъ существъ. Но философъ не ограничивается однимъ дарвинизмомъ. Онъ идетъ вглубь, и показывая, что источникъ заблужденій Дарвина кроется вообще въ проективистичной точкѣ зрѣнія, подыскиваетъ метафизическія основы естествовѣдѣнія и философіи природы. Отъ этого работа въ цѣломъ утрачиваетъ характеръ монографіи по вопросу о дарвинизмѣ и получаетъ значеніе философско-систематическое. Дѣйствительно, одинъ лишь третій отдѣлъ посвященъ „развитію формъ и происхожденію видовъ“; два первыхъ трактуютъ объ „элементахъ природы“ и „измѣняемости формъ“ и содержатъ множество драгоценныхъ обобщеній и разъясненій: для примѣра укажу на опредѣленія и выводъ понятій формы, типа, закона и т. п. Преодоленіе проективизма приводитъ къ пониманію безвременности міра, какъ системы координатъ или въ телеологическомъ порядкѣ связанныхъ между собою членовъ. Среди сочиненій Тейхмюллера, излагающихъ его философскую систему, „Дарвинизмъ и философія“ играетъ важную роль.

Что касается внѣшней стороны или изложенія, то нельзя не пожалѣть, что сочиненіе написано черезчуръ сжато; лаконичность къ концу еще увеличивается. Это обстоятельство значительно усиливало трудность перевода. За то способъ выраженія вездѣ ясный, термины строго опредѣлены въ своемъ значеніи, послѣдовательность и общій логическій распорядокъ — строжайшіе.

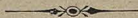
По совѣту А. А. Козлова это сочиненіе было переведено на русскій языкъ врачомъ А. К. Николаевымъ. За недостаткомъ свободнаго времени и по болѣзни почтенный другъ мой А. А. Козловъ долженъ былъ отказаться отъ редактированія перевода и обратился ко мнѣ, какъ къ ученику Тейхмюллера, съ просьбою взять на себя трудъ по редактированію. Изъ уваженія къ памяти своего незабвеннаго учителя, котораго философскія убѣжденія и самъ почти всецѣло раздѣляю, я взялся за это дѣло и съ Божьею помощію выполнилъ его. Стараясь, чтобы переводъ былъ какъ можно лучше, я неоднократно свѣрялъ его съ оригинальнымъ текстомъ; переводъ вышелъ чрезвычайно близкимъ къ оригиналу, почти слово въ слово, насколько это позволяли особенности русскаго языка. Преимущественно, я повсюду старался избѣгать перифразы подлинника, ибо описательный переводъ не даетъ понятія о духѣ и способѣ выраженія оригинала, да и у такого точнаго мыслителя, какъ Тейхмюллеръ, обладающаго притомъ же собственной терминологіею, не всегда удобенъ и возможенъ. Пропусковъ также почти нѣтъ.

Изданіе было выполнено на средства переводчика. Печатаніе производилось подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Считаю долгомъ своимъ высказать благодарность проф. Я. Θ. Осе, проф. А. С. Царевскому, И. А. Юркату и К. Л. Трефнеру, любезно пособлявшимъ мнѣ въ просмотрѣ корректуръ.

Да послужить эта книжка, вмѣстѣ съ печатающимся подь моею редакціею другимъ сочиненіемъ Тейхмюллера „Безсмертіе души“ распространенію и насажденію на Руси принциповъ философіи названнаго мыслителя, осьмнадцать лѣтъ вплоть до самой смерти служившаго Россіи на мѣстѣ профессора философіи Дерптскаго Университета и тамъ же создавшаго свою систему.

Евгеній Бобровъ.

Юрьевъ, 14. I. 94.

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе	1
Начало актовъ рѣчи	3
Начало изслѣдованія	5
I.	
Элементы природы	7
§ 1. Принципы природы. 1) Формы	8
2) Форма и матерія. Чтѣ и что (Was und Dass)	9
3) Отношеніе обоихъ понятій	10
4) Реальное. Атомы или элементарные принципы	11
5) Форма — чтѣ (das Was)	14
§ 2. Раздѣленіе формъ. 1) Три вида формъ	16
2) Безвременность нормативныхъ формъ	19
3) Понятіе типа	22
4) Принципы для реализаціи типа	23
II.	
Теорія измѣняемости формъ	28
§ 1. Общее условіе измѣняемости формъ природы	28
§ 2. Возможно ли безконечное множество типовъ?	30
Разрѣшаются два затрудненія : а) можетъ существовать лишь одинъ міръ	33
б) всякое изслѣдованіе природы предполагаетъ телеологію	35
§ 3. Типъ и явленіе	36
Одно изъ затрудненій падаетъ. — Критерій и опредѣленіе типа	38
§ 4. Міръ является въ послѣдовательныхъ и одновременныхъ системахъ координатъ	39
Основаніе измѣненій и развитій	40
а) Основаніе измѣненія не можетъ лежать въ какой-либо внѣшней причинѣ	41
б) Внутреннее основаніе измѣненія	42

Принципы носятъ всю систему законовъ природы въ себѣ	42
Два затрудненія уничтожаются: а) затрудненіе объяснить измѣненіе безъ признанія перваго толчка	44
Дедукція измѣненій изъ понятія системы природы.	44
б) Трудность объяснить измѣненіе въ виду сущности времени.	46
Дедукція перспективной природы времени.	47
Дедукція безвременности міра	49
Разрѣшеніе кажущейся антиноміи между разумомъ и чувственностью	54

III.

Развитіе формъ вообще и происхожденіе видовъ въ частности.	58
§ 1 Пять различныхъ попытокъ разрѣшенія вопроса	58
§ 2. Критика этихъ попытокъ.	66
Критика дарвинизма:	67
1) безосновательное ограниченіе точки зрѣнія.	70
2) въ дарвинизмѣ рѣшающее понятіе индивидуальнаго существа не объясняется, а предполагается въ противорѣчій съ теоріею	71
3) выводъ новыхъ типовъ противенъ природѣ вещей.	75
Заслуга Дарвина	77
§ 3. Постулаты философіи	78
Возникновеніе типа требуетъ и внутренней и вѣншей причины	79
Внутренняя причина требуетъ: 1) нисхожденія внутри рода	81
2) вслѣдствіе видовой разницы, — скачка въ производныхъ формахъ.	82
Различіе между родомъ и послѣднею видовой формою — естественное	87
Дифференцированіе требуетъ исходной точки въ принципѣ системы	89
Дифференцированіе совершается въ принципѣ или посредствомъ метаморфозы	92
— или посредствомъ нисхожденія	93
Устраняется возраженіе противъ метаморфозы	96
” ” ” теоріи нисхожденія	97
О различіи задачи и изслѣдованія въ философіи и естествознаніи	98

Предисловіе.

Такъ какъ мнѣ выпала честь произнести рѣчь въ годовщину нашего университета 12/24 Декабря 1876 г., то я выбралъ предметъ этого изслѣдованія изъ особаго уваженія къ великому научному гению, который еще жилъ тогда въ нашей средѣ, и только незадолго предъ празднествомъ покинулъ насъ. Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ въ свои послѣдніе годы преимущественно занимался дарвинизмомъ и не только въ своихъ глубокомысленныхъ сочиненіяхъ, но также въ личной бесѣдѣ здѣсь въ нашемъ кругу съ любовью обсуждалъ этотъ вопросъ. Зная, что я соглашался съ его разумными естественно-научными воззрѣніями, часто предлагалъ онъ мнѣ выяснять ему въ разговорѣ отношеніе философіи къ этому воззрѣнію. Я хотѣлъ изложить ему эту философскую точку зрѣнія въ особомъ сочиненіи: подлежащій трудъ да будетъ знакомъ моей любви и удивленія къ нему.

Согласно съ требованіями времени и слушателей, изъ этого сочиненія могла быть прочитана только выдержка; здѣсь оно печатается въ полномъ объемѣ.

Я воспользуюсь правомъ предисловія, чтобы сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о своей философской точкѣ зрѣнія. Определенное задачей направленіе аргументаціи не

позволяло мнѣ развить метафизическія и гносеологическія основанія руководныхъ понятій въ моей работѣ. Но легко будетъ замѣтить, что въ моихъ глазахъ авторитетъ Канта, на котораго теперь такъ часто ссылаются, весьма мало значить. Я того мнѣнія, что точку зрѣнія кантова критицизма вполне уже преодолѣлъ Гегель. А какъ гегелева архитектоника оказалась слабѣе его критики, да и не могла удаться, потому что онъ брался построить міръ безъ реальныхъ принциповъ, то отчаявшись во всякой спекуляціи, вернулись къ легко доступному Канту, который, благодаря своей догматической систематикѣ съ ящичками для разума, разсудка и чувственности, удобнымъ для эмпириковъ деревяннымъ ширмочкамъ, какими онъ ограничиваетъ свой горизонтъ, и запрягиванію опаснаго разума, повидимому, доставляетъ спокойное ни изнутри, ни снаружи неосвѣщенное убѣжище. Такъ какъ нечего стало беспокоиться ни о наружи оставленной вещи по себѣ, ни о разумѣ, то начали заниматься либо чистой эмпирією, либо филологической работою надъ сочиненіями Канта въ поученіе тѣмъ, кто недостаточно съ нимъ знакомъ: послѣдніе изъ такихъ работъ узнаютъ много новаго и важнаго. Я считаю все это направленіе за остановку и надѣюсь, что собственная дорога разума вскорѣ опять освободится для него.

Дерптъ, въ Январѣ 1877 г.

Начало актовой рѣчи.

Почтенное собраніе!

Не только наша родина, какъ часть великаго россійскаго государства, но и вся Европа, даже весь старый міръ въ настоящее время находится въ страшномъ напряженіи, ибо возвышенный Монархъ нашъ рѣшилъ освободить христіанскую Европу отъ деспотизма варварскаго мухамеданства и обезпеченіемъ болѣе гуманнаго закона вновь успокоить страны, пострадавшія въ высшей степени подъ ярмомъ азіатскихъ тиранновъ. Среди этого военнаго возбужденія мы сегодня празднуемъ день основанія нашего университета съ спокойною душою. Ибо наука по своей природѣ постоянно обращаетъ свой взоръ на вѣчное, на познаніе истины, и исполняетъ всѣхъ, кто къ ней приближается, тихою серьезностью и спокойнымъ величіемъ духа, приобретаемыми только въ общеніи съ идеальнымъ міромъ; это чувство даетъ намъ, какъ говоритъ Платонъ, какбы безсмертную жизнь въ сей смертной оболочкѣ.

Въ этомъ смыслѣ, слѣдуя порядку нашего праздника, углубимся теперь сначала въ научное соображеніе.

Я избралъ вопросъ, сразу напоминающій намъ великаго гения, присутствіе коего насъ всѣхъ воздымало; уходъ его долженъ насъ не подавлять, а еще болѣе подкрѣплять въ идеальномъ пониманіи науки, которой онъ самъ вплоть до послѣдняго дыханія оставался вѣренъ. К. Э. Бэръ за время пребыванія своего въ Дерптѣ занимался съ особенной любовью дарвинизмомъ. Его гениальныя сочиненія, посвященныя этому вопросу, осмотрительно и осторожно развиваютъ методу и точку зрѣнія естествоиспытателя; результаты, къ какимъ онъ приходитъ, и мнѣ кажутся лучшимъ изъ того, что до сихъ поръ было сказано со стороны естествознанія. Но такъ какъ дарвинизмъ не ограничивается одною этою областью, но дошелъ уже до выработки цѣлаго міровоззрѣнія, то необходимо долженъ былъ онъ вступить въ область, гдѣ дома чувствуетъ себя не естествознаніе, а философія. Отсюда для философіи возрастаетъ обязанность раздѣлаться съ новыми ученіями и въ соображеніи своихъ собственныхъ методъ и принциповъ принять положеніе къ этому дарвинистскому міровоззрѣнію.

Во всѣхъ спеціальныхъ наукахъ имѣется тождественный элементъ, надъ которымъ философія хозяйничаетъ на правахъ сервитута. Какъ физика предполагаетъ математику, такъ всѣ науки предполагаютъ философію, которая, не имѣя своей собственной области внѣшнихъ предметовъ, занимается принципами и предположеніями всѣхъ наукъ. Поэтому философія имѣетъ голосъ во всѣхъ наукахъ, но никогда насчетъ фактовъ или спеціальныхъ вопросовъ, а только относительно формы познанія и общихъ принциповъ, руководныхъ и при каждомъ спеціальному изслѣдованіи. Подчасъ философію забываютъ изъ-за отдѣльныхъ изслѣдованій или даже оспариваютъ законныя ея права на такой сервитутъ; тогда обязанностью философіи является защищать свои права, и отринуть все, что порѣшено безъ соблюденія ея правъ.

А такъ какъ теперь по поводу ягучаго вопроса о дарвинизмѣ въ пылу спора и радости отъ новаго открытія философіею пренебрегаютъ и, повидимому, забываютъ ее, то какъ разъ кстати будетъ привести на память философскіе принципы.

Философы, которые поднимаютъ голосъ по этому вопросу, хотя и не мало сдѣлали для разумности сужденія о немъ, но, какъ мнѣ кажется, одни изъ нихъ черезчуръ свысока приняли весь споръ за какую-то „войну мышей

съ лягушками“, какъ будто трансцендентальное кантово воззрѣніе и эмпирическое дарвиново два различныхъ выраженія одной и той же вещи; другіе же слишкомъ углубились въ эмпирическія частности, причѣмъ не высказался характеръ философіи, какъ апріорной науки. Не объясняясь съ ними, я хочу вести здѣсь дѣло философіи со своей точки зрѣнія.

Философія, чтобы оглядѣть себѣ міровую связь, испытала до сихъ поръ три точки зрѣнія; но съ каждой изъ нихъ важнѣйшія явленія остались непознаваемы. Матеріализмъ не могъ объяснить законовъ и формъ природы и духовной жизни; идеализмъ не нашелъ перехода отъ общаго къ существу; спинозизмъ трактовалъ обѣ стороны своего вымышленнаго равенства, не имѣя основанія для этого дуалистичнаго представленія, и не давая никакого источника познанія для второй стороны — міра протяженности. Поэтому и перешли къ позитивному скептицизму, и вмѣстѣ съ критическимъ Кантомъ отказались отъ познанія міра. Я не слѣдую этому теченію времени, но ищу четвертаго міровоззрѣнія, основанія котораго изложены еще Лейбницемъ въ краткихъ, смѣлыхъ афорисмахъ. Будущности принадлежитъ развитіе и систематичное проведеніе этой новой теоріи, которой и Л о ц ц е посвятилъ свои великія силы.

I.

I. Элементы природы.

Не нашею цѣлью будетъ разбирать въ частностяхъ дарвинизмъ, геккелизмъ и другія болѣе раннія и современныя имъ генеалогіи природы; мы хотимъ изучить только ихъ принципы. Всѣ эти теоріи относятся къ забавамъ материализма, т. е. онѣ пытаются объяснить жизненные формы изъ механическихъ свойствъ матеріи, не принимая никакой идеальной природы міра. По имени главы этого направленія, которому приписывается инициатива, кратко обозначимъ это совокупное движеніе дарвинизмомъ, не вникая глубже во всѣ варіаціи его; ибо всѣ онѣ согласуются въ томъ планѣ, чтобы объяснить происхожденіе всѣхъ формъ животной и растительной жизни генеалогически и притомъ механически. Болѣе совершенныя формы объясняются изъ несовершенныхъ, цѣлесообразность органическихъ функций изъ безцѣльныхъ и слѣпыхъ механическихъ силъ, а причиной развитія полагается случайное столкновеніе различныхъ тѣлъ, отчего все варьируется, и нѣкоторыя формы погибаютъ, тогда какъ другія сохраняются и передаютъ въ наслѣдство свои свойства. Такъ создается громадное родословное дерево всѣхъ живыхъ видовыхъ

формъ съ общей праматерью, но безъ отца ; ибо имъ, какъ невѣдомымъ случаемъ, нечего хвастаться.

§ 1. Принципы
природы.

1. Формы

Разсматривая философски этотъ вопросъ, надо сперва свести измѣняющіяся видовыя формы къ одному общему понятію.

Ибо, можетъ быть, найдется болѣе общее пониманіе, изъ котораго а priori возможно усмотрѣть, подвергаются ли родовые типы измѣненіямъ или нѣтъ.

Формы растеній и животныхъ состоятъ въ химическихъ соединеніяхъ, которыя, организуясь въ различныя ткани, образуютъ нѣкое систематичное цѣлое. Обобщая такимъ образомъ, мы необходимо не можемъ полагать никакой разницы между болѣе сложными и простѣйшими формами, а потому должны туда же причислить и всѣ формы неорганической химіи. Возникаетъ вопросъ, подвергаются ли и послѣднія измѣненіямъ или нѣтъ. Вѣдь, мы не допустимъ ослѣпить себя предубѣжденіемъ, что между неорганическимъ и органическимъ міромъ пропасть ; оба они безъ исключенія подлежатъ общему понятію формы. Но и этимъ философское разсмотрѣніе не довольствуется ; вѣдь, каждое химическое соединеніе есть только форма проявленія какого-нибудь закона природы, и было бы весьма близоруко не причислить сюда также и физической области и физическихъ формъ, напр., агрегатныхъ состояній твердыхъ, капельно-жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ и формъ проявленія всѣхъ законовъ, какъ типовъ жизни природы, т. е. не сопоставлять всѣхъ механическихъ формъ природы наряду съ типами растеній и животныхъ.

Итакъ, разсматривая вопросъ не по диллетантской прихоти, но съ философской обдуманностью, мы должны всѣ

эти формы природы изучать вмѣстѣ ; но даже и этимъ нашъ взоръ не долженъ ограничиваться : какъ наша духовная жизнь тоже, вѣдь, относится къ міру, и потому не можетъ быть внѣ закона, то мы должны найти формы и внутренней жизни души. Хотя эти послѣднія не покоятся на общеніи нѣсколькихъ конкурентовъ, какъ предыдущія формы, но состоятъ изъ чисто внутреннихъ элементовъ, мы можемъ всетаки поставить ихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ наряду съ тѣми. Таковыя формы суть аффекты, страсти, добродѣтели, искусства, науки и всѣ отдѣльные виды этихъ всеобщихъ формъ. Я полагаю, что законы, както : нравственные, эстетическіе и логическіе, правятъ и здѣсь : по нимъ проявляется наше мышленіе, желаніе и дѣятельность въ опредѣленныхъ типахъ или духовно-жизненныхъ формахъ.

Только принявъ въ соображеніе весь этотъ рядъ формъ природы, можно сказать, что мы уже не необдуманно понимаемъ вопросъ ; мы смѣемъ надѣяться, разложивъ передъ собою столь богатый матеріалъ, найти основанія измѣненій, если только окажется, что однѣ изъ этихъ формъ измѣнчивы, а другія нѣтъ.

2. Форма и матерія.

Что и что.
(Was und Dass)

По общему обзорѣ формъ природы намъ приходитъ на умъ соображеніе, что должно быть нѣчто, чтó проявляется въ этихъ формахъ. Ибо форма всегда предполагаетъ, что существуетъ нѣчто, чтó имѣетъ или носитъ форму, и относительно чего мы форму называемъ. Итакъ мы различаемъ двоякое : во первыхъ, что есть нѣчто, и мыслимъ при этомъ не самую форму, напр. форму лошади или настроеніе гнѣва, но только существованіе, т. е. что здѣсь существуетъ или реально есть на лицо нѣчто такое,

что производитъ функціи, совокупность которыхъ называется лошадыю, или существомъ, кое гнѣвается; ибо понятіями „лошадь“ и „гнѣвъ“ мы выражаемъ только, что такое означенное сущее, или форму его функціи. Итакъ мы различаемъ, во первыхъ что, и во вторыхъ что. Это второе только и есть форма. Первое мы можемъ назвать вообще матеріею, оставляя безъ опредѣленія, подразумѣвается ли подъ этимъ нѣчто протяженное и тѣлесное.

3. Отношеніе
обоихъ понятій.

Какъ относится форма или функція къ существованію? Есть ли то, что существуетъ, тоже самое, что и форма, въ которой оно существуетъ? Очевидно, нѣтъ; ибо форма, или форма функціи можетъ исчезнуть, между тѣмъ какъ существующее остается и принимаетъ инныя формы. Гнѣвающійся успокаивается, матерія лошади превращается въ другія явленія. Итакъ реальное не тождественно съ формою.

Но форма не есть нѣчто самобытное наряду съ реальнымъ; иначе она была бы сама чѣмъ-то сущимъ. Лошадь, какъ опредѣленная форма, нигдѣ болѣе не существуетъ послѣ разрушенія этой лошадиной особи: она ничего не совершаетъ, ни отъ чего не страдаетъ. Она совершенно не существуетъ. Точно также и гнѣвъ.

Но реальное по себѣ и для себя безъ какой-нибудь формы не можетъ быть, конечно, обозначаемо или называемо: нѣчто. Ибо то, что мы высказываемъ относительно него, есть всегда какая-нибудь форма. Итакъ для реального остается только возможность; мы должны сказать, что реальное есть то, что можетъ проявляться или существовать въ той или другой формѣ. Поэтому форма бываетъ только на существующемъ, а это послѣднее не имѣетъ ни-

какой иной сущности, кромѣ той, которая выражается въ его функціи или формѣ.

4. Реальное. Кромѣ того, что реальное должно быть мыслимо, какъ возможность или матеріальный принципъ формъ, мы можемъ высказать относительно него и еще кое-что. А именно, ему нужно приписать также и множественность. Ибо, если мы станемъ мыслить матерію, какъ единство, то ничего не останется внѣ такового. Поэтому оно не могло бы ни дѣлать чего-либо, ни страдать отъ чего-либо. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не могло бы измѣняться. Если же оно когда-либо произвело бы какую-нибудь функцію, т. е. существовало бы въ какой-нибудь формѣ, то оно должно было бы въ ней застынуть на вѣки и какбы окаменѣть. Но такъ какъ всеобщій опытъ даетъ намъ измѣняющійся міръ, то мы должны мыслить также и матерію, какъ множество, дабы одинъ элементъ могъ дѣйствовать на другой; не обращая тогда вниманія на соединенія, мы должны полагать послѣднія самобытныя составныя части, какъ атомы (недѣлимые), т. е. такія существа, которыя не суть неотдѣлимые части и куски другихъ существъ, но элементы, изъ которыхъ составляется все другое, какъ слова и слоги изъ буквъ.

Но надо остерегаться при словѣ атомы мыслить нелѣпымъ представленіемъ атомистовъ, воображающихъ при этомъ маленькія тѣльца съ опредѣленною фигурой. Какъ въ древности, такъ еще и нынѣ нѣкоторые натуралисты принимаютъ такіе атомы и объясняютъ всѣ явленія природы изъ движенія и различнаго размѣщенія этихъ неизмѣнныхъ атомовъ. Но у такихъ людей отнюдь не достаетъ философскаго сознанія насчетъ того, что они говорятъ:

вѣдь, ихъ атомы могли бы, конечно, образовывать формы для наблюдателя, внѣ стоящаго, и видящаго, какъ они слагаются то такъ, то иначе; но формы не имѣли бы никакого отношенія къ самимъ атомамъ: эти послѣдніе были бы подобны буквамъ, изъ которыхъ можно сложить любое слово, приче́мъ сами буквы остаются безразличными и недѣятельными. Но тогда возникаетъ вопросъ, что побуждало бы эти атомы перемѣнять свое мѣсто; и тѣ же самые натуралисты, считающіе себя столь просвѣщенными, принуждены вернуться къ народнымъ воззрѣніямъ насчетъ домовыхъ, и признають какихъ-то чудесныхъ духовъ, которыхъ они называютъ законами и силами; послѣдніе — не атомы, да и не могутъ заключаться въ тѣлесныхъ атомахъ. Кромѣ того, они обращаются къ спиритскому вѣрованію въ волшебство и магію: они представляютъ себѣ, якобы атомы приставлены къ этимъ законамъ въ качествѣ покорнѣйшихъ слугъ, и каждое мановеніе этого безтѣлеснаго духа исполняютъ съ пунктуальною точностью посредствомъ движеній. Но что тѣлцо, которое совершенно неизмѣнно, не можетъ ни слышать, ни замѣчать, ни вообще испытывать что-либо, это — точно также несомнѣнно, какъ и то, что оно ничего не можетъ произвести изъ себя, не измѣняясь само внутренно.

Мы можемъ, значить, заставить этихъ материалистскихъ атомистовъ перейти къ нашему опредѣленію; ибо атомы, опредѣляемые къ движеніямъ чѣмъ-либо, внѣ ихъ лежащимъ, должны имѣть въ себѣ возможность къ этимъ новымъ функціямъ. Поэтому мы должны признать въ нихъ нѣкую нутрь, испытывающую вліянія, и изъ себя на нихъ реагирующую, приче́мъ она переходитъ къ иной функціи, отличной отъ своей предыдущей. Единственный атомъ,

чья нутрь становится намъ извѣстною, есть реальное существо, функционирующее въ душевныхъ состояніяхъ. Поэтому, подыскивая наглядную аналогію, мы можемъ представлять себѣ атомы или реальные элементарные принципы только, какъ душу, т. е. подобными носителю нашего сознанія и нашихъ дѣятельностей. Конечно, мы должны отвлечься отъ особенностей человѣческой души, ибо въ атомахъ низшей природы мы не познаемъ одинакихъ съ нами дѣяній; на всѣ атомы мы имѣемъ право переносить изъ нашей души только то, что всеобщее, и не принадлежитъ въ особенности ей специально. Но, вѣдь, наша душа дѣйствуетъ и страдаетъ только въ незначительной части съ сознаніемъ, въ наибольшей же части безсознательно, какъ напр., во снѣ и въ безчисленныхъ случаяхъ во время бодрствованія. Поэтому атомы суть такія простыя и самобытныя существа, кои испытываютъ вліянія отъ другихъ существъ, и сами вліяютъ на другія, причемъ ихъ разовую функцію должно отличать отъ той нутри, которая, какъ матерія, содержитъ возможность другихъ функцій, кои въ данный моментъ не являются ея опредѣленною формою. Напр., пусть будетъ боль въ данномъ случаѣ функціею или формою души; но эта форма можетъ быть уничтожена, исчезнуть, и на ея мѣсто выступитъ изъ нутри, или изъ матеріи, или изъ возможности, или какъ бы ни назвать это основаніе души, другая функція, напр. веселье.

Эти атомы вмѣстѣ образуютъ міръ; значитъ, послѣдній не можетъ быть названъ безжизненнымъ, ибо онъ состоитъ изъ однихъ живыхъ элементовъ. Ошибочно различать живую и мертвую матерію, ибо все, повидимому, мертвое состоитъ изъ функцій живыхъ принциповъ. Совершенно

безразлично, остаются ли атомы, образующіе воду, долгое время въ той функціи, которую мы называемъ водой, или же имъ тотчасъ выпадеть случай хоть въ какомъ-нибудь животномъ или растеніи перейти къ органическимъ функціямъ или соединеніямъ; вѣдь, не время можетъ составлять различіе между мертвымъ и живымъ. Поэтому грекъ Талесъ сказалъ справедливо, что все въ мірѣ одушевлено или оживлено. Мертвой матеріи нѣтъ.

Но матерія также не возникаетъ и не исчезаетъ, ибо все, что возникаетъ, является только ея функціею. Само бытіе не можетъ возникнуть.

5. Форма — что. Теперь мы должны поточнѣе раз-
(das Was). смотримъ формы или функціи матеріи, подъ
 которыми надо понимать все то, что мы высказываемъ о матеріи. Мы уже видѣли, что нельзя ограничиваться одними типами животныхъ и растеній: въ наибольшей всеобщности мы понимаемъ подъ формою все, чѣмъ какъ-либо опредѣляется матерія, или короче сказать, всѣ функціи матеріи.

Первое, что мы замѣчаемъ относительно формъ, это — различіе между первообразомъ (Urbild) и отобразомъ (копіей, Abbild), закономъ либо идеею и явленіемъ, между безвременнымъ и осуществленнымъ. Художникъ, имѣющій модель, дѣлаеть съ нея безчисленное множество отливокъ; модель остается постоянно все тою же, отобразы же съ нея выходятъ то хорошо, то дурно, и производятся во времени другъ за другомъ, какъ явленія означеннаго первообраза. Точно также и въ природѣ мы должны предположить первообразъ или законъ; мы видимъ, какъ по одному типу создано безчисленное множество лошадей и людей, да и вообще всѣ особи. Эта вода, напр., теперь каплеобразно жидка

и носить въ себѣ, какъ отобразъ — первообразъ или законъ каплеобразно-жидкаго. Посредствомъ холода она переходитъ въ другую форму, осуществляя въ качествѣ льда законъ твердости. Посредствомъ теплоты она опять переводится изъ этой формы въ другую, напр., газообразную. Хотя вслѣдствіе того дѣйствительныя формы явленія постоянно возникаютъ, преходятъ и измѣняются, мы всетаки убѣждены, что типы или законы или первообразы, по которымъ происходятъ явленія, не возникали, не исчезаютъ, не преобразуются. Ибо никто, конечно, не вообразить себѣ, чтобы и законы природы сами возникали и измѣнялись всякій разъ, какъ только измѣняется какое-нибудь явленіе природы; но каждый молчаливо предполагаетъ, что законы остаются тождественными, безвременными и неизмѣнными, и только случаи ихъ примѣненія представляются во времени то такъ, то иначе. Поэтому должно отличать формы идеальныя или идеи отъ формъ реальныхъ или имманентныхъ. Первые назовемъ законами, а вторыя формами ихъ проявленія.

Если же возражать, что это дѣленіе заимствовано отъ образа искусства, и не соотвѣтствуетъ природѣ, ибо типовъ животныхъ вовсе нѣтъ на лицо, а бываютъ лишь дѣйствительныя животныя, носящія этотъ типъ, то это возраженіе нетрудно немедленно опровергнуть; ибо на это противорѣчіе тогда только натыкаешься, когда слишкомъ ограничивая духовный горизонтъ свой, имѣешь въ виду лишь тѣ формы природы, коихъ первообразы или типы кажутся какбы преходящими, какъ напр., въ настоящее время вымерли типы третичнаго періода. Но если расширить горизонтъ и въ одномъ понятіи объять всѣ типы или законы природы, то сейчасъ видно, что невозможно обойтись въ

мышленіи безъ законовъ природы: если только хотятъ дать объясненіе какому-либо явленію природы въ дѣйствительности, то молчаливо предполагаютъ ихъ вѣчное могущество. Только при этомъ предположеніи и возможно рѣшиться искать науки о природѣ: каждая наука имѣетъ дѣло съ безвременными и неизмѣнными элементами, изъ нихъ объясняя переменчивыя явленія во времени. Кругъ по своей сущности — вѣчная форма, вѣчный законъ; его свойства возникли не тогда, какъ ихъ открылъ первый геометръ; но, разумѣется, это золото здѣсь съ обработано мастеромъ въ видѣ круга въ кольцо; такъ въ становящемся возникаютъ свойства, которыя въ законѣ опредѣлены безвременно.

Но прежде чѣмъ примѣнить это основное метафизическое дѣленіе къ вопросу о дарвинизмѣ, разсмотримъ сперва ближе самыя формы и законы.

§ 2. Раздѣленіе формъ. Дѣйствительныя формы природы можно разложить на три группы. 1. Первая группа обнимаетъ всѣ тѣ законы, которые безъ исключенія осуществляются въ явленіяхъ природы. Сюда принадлежатъ законы или формы физики и химіи. — 2. Вторая группа обнимаетъ законы, не находящіе въ явленіяхъ необходимаго выраженія, но доступные нарушенію, и только обыкновенно имѣющіе силу. Сюда принадлежатъ всѣ органическія формы. Правда, всякій убѣжденъ въ томъ, что въ основаніи образованія глаза, ноги и т. д. лежитъ, какъ норма, нѣкій законъ образованія; всетаки не всѣ дѣйствительныя организмы являются столь строго одинаковыми, и не такъ принуждены къ исполнѣнью тождественной формѣ, какъ явленія

первой группы. Мы сейчас точнѣе опредѣлим основаніе тому. — 3. Третья группа, наконецъ, — тѣ дѣйствительныя формы, которыя обыкновенно называютъ случайными: къ нимъ надо причислить всѣ исключительно единственныя явленія. Въ нихъ вовсе не обнаруживается всеобщаго правила или закона.

Итакъ, мы различаемъ необходимыя, нормативныя и случайныя формы. Относительно первыхъ двухъ существуетъ наука, относительно же послѣднихъ еще нѣтъ. Спрашивается, какъ можетъ быть выведено это трехчленное дѣленіе. Въ качествѣ элементовъ предъ нами, во первыхъ, сами формы, какъ законы, и во вторыхъ, матерія или реальныя существа. Всякій разъ, какъ берется единичное реальное существо или атомъ, невозможно, чтобы не реализовалась и форма, его функція. Поэтому не допускаютъ исключеній законы, относящіеся къ превращеніямъ функцій самихъ атомовъ, т. е. всѣ законы физики и химіи; ибо здѣсь иной разъ и идетъ, правда, рѣчь о многихъ атомахъ сразу; всетаки форма осуществляется въ каждомъ изъ нихъ, какъ напр., при притяженіи дѣятельность или функція происходитъ въ каждомъ изъ конкурентовъ; точно также и въ химическихъ соединеніяхъ. Но если форма предполагаетъ множественность конкурирующихъ атомовъ, которые опредѣлены быть между собой въ различныхъ функціяхъ, какъ это, напр., въ организмахъ, гдѣ образуются столь сложныя ткани, какъ кости и кровь, то законъ формы можетъ не осуществиться, если нѣтъ налицо подходящихъ атомовъ съ требующимся положеніемъ. Крестоцвѣтныя, напр., не могутъ развивать своихъ типичныхъ свойствъ, если въ ихъ пищѣ не будетъ сѣры. Но нимало не сомнѣваясь въ силу этого въ тождественности самого принципа формы, мы

должны однако заключить, что эти сложные законы могут быть проведены въ явленіяхъ рѣдко или почти никогда вполне правильно, ибо ихъ осуществленіе зависитъ отъ существованія наличныхъ соотвѣтственныхъ атомовъ, между тѣмъ какъ самъ законъ не ручается за это существованіе ихъ, да и не можетъ ручаться. Но какъ законъ, вообще, не можетъ осуществиться, если вполне отсутствуетъ много внѣшнихъ условій, то изъ этого слѣдуетъ, что эти нормативные законы оказываются только правилами теченія природы, допуская до извѣстныхъ границъ отступленія и недостатки, какъ это обнаруживаютъ органическія явленія, и въ нихъ, какъ здоровыя, такъ и ненормальныя явленія.

— Третій отдѣлъ — группа случайныхъ формъ просто вытекаетъ изъ второго, ибо всѣ функціи, сами по себѣ, согласно первой формы, необходимо свершающіяся вслѣдствіе встрѣчи атомовъ, но не опредѣляемыя нормативною формой, разсматриваются людьми какъ случайныя. То, что теперь воробей сидитъ на ясени, именуется случайностью, ибо это не опредѣляется ни типомъ воробья, ни типомъ дерева; точно также и то, что этотъ человѣкъ слѣпъ; ибо это не вытекаетъ изъ закона образованія глаза. Но случайное вполне необходимо по первой формѣ, т. е. конкурирующіе при этомъ атомы исполняютъ именно ту самую функцію, какую они и должны исполнять по всеобщимъ законамъ природы. Поэтому случай, хотя бы въ нашемъ горизонтѣ и не законообразный, а потому и не познаваемый, всетаки заключенъ въ извѣстныхъ границахъ, ибо съ одной стороны число атомовъ, а съ другой — всеобщіе и нормативные законы установлены. Вѣдь, можно выкинуть въ кости только одно изъ шести чиселъ; такъ какъ для появленія каждаго изъ нихъ возможность одна и та же, то можно установить законы

для теоріи вѣроятностей, точно также для числа и пола рожденій, для числа и рода преступленій и даже для того случая, какъ часто воробей сядетъ на какое-нибудь дерево, если только возможно заключить элементы вычисленія въ извѣстныя границы.

2. Безвременность нормативныхъ формъ. Выведши такимъ образомъ три рода формъ, надобно спросить себя, которыя же изъ этихъ формъ неизмѣнны и вѣчны. Мы уже знаемъ изъ вышеизложеннаго разсмотрѣнія, что безъ вѣчности закона невозможно научное объясненіе явленій; но спрашивается, вѣченъ ли только первый родъ, т. е. необходимыхъ, или также и второй — нормативныхъ формъ. Что третій родъ, случайныя формы, не войдетъ въ вопросъ, это ясно само собой, ибо мы не назовемъ случайнымъ того, къ чему приложимы опредѣленные законы и типы. Противъ вѣчности нормативныхъ формъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ типы растений и животныхъ, указывали на тотъ фактъ, что многіе изъ этихъ типовъ, существовавшихъ въ прежніе геологическіе періоды, вымерли, и что даже въ историческое время исчезло и готово исчезнуть много типовъ. Но это возраженіе близоруко, ибо дѣло идетъ не о существованіяхъ, носящихъ въ себѣ типъ, какъ отпечатки, но о самомъ типѣ, о законѣ, по которому создавались тѣ существованія. Но какъ мы не воображаемъ исчезнувшимъ и вымершимъ законъ круга, потому только, что не имѣется въ данный моментъ циркуля и мѣла, чтобы нарисовать на доскѣ кругъ, точно также не смѣемъ мы заключать изъ вымиранія животныхъ и растений, образованныхъ по какому-либо типу, о вымираніи самого закона или типа. Типу, какъ закону природы, нѣтъ никакого дѣла до своего существованія въ тѣхъ или другихъ индивидахъ:

законы кристаллизаціи воды также дѣйствительны лѣтомъ, какъ и зимою.

Итакъ, намъ остается только альтернатива: либо признать нормативныя формы или типы также за безвременные законы природы, либо доказать, что въ основаніи этихъ типовъ не лежитъ вообще никакого закона природы, но что они чисто случайныя формы.

Послѣднее воззрѣніе, дѣйствительно, какъ оно ни странно, серьезно проводится нѣкоторыми философами и многими натуралистами. Согласно съ нимъ, всѣ формы организмовъ суть случайная мозаика атомовъ, дѣйствующихъ только по всеобщимъ законамъ природы; но соединившись въ эти формы животныхъ и растений безо всякаго закона природы, опредѣляющаго совокупную функцію, онѣ сохранились только по удачѣ, ибо наравнѣ съ прочею мозаикой случайно возникли также и органы размноженія.

Допустимъ сначала возможность такого объясненія: мы не можемъ отрицать, что число случаевъ не рѣшаетъ тотчасъ же вопроса, случайно ли что-либо, или закономерно. Вѣдь, можетъ же при азартной игрѣ въ рулетку одна и та же краска или одинъ и тотъ же номеръ выпасть много разъ подрядъ. Но всетаки пришлось бы изумиться, что случай, производивши столь часто именно самыя сложныя явленія, както глазъ, или цѣлую органическую систему, каковы животныя и растенія, никогда не добился такихъ въ миллионъ разъ простѣйшихъ формъ, какъ готическая церковь, часы, статуя или что-нибудь вродѣ того; а вѣдь, онѣ по общей теоріи вѣроятностей, будучи составлены изъ гораздо меньшаго числа элементовъ, должны были бы встрѣ-

таться въ окаменѣломъ видѣ во всѣхъ геологическихъ пластахъ безчисленное число разъ прежде находенія хоть одинъ только разъ дерева или животнаго.

Но я дѣлаю догадку, что естествоиспытатели, утверждающіе это еще и нынѣ, только не потрудились тщательнѣе изучить понятіе случайнаго; вѣдь, мы не называемъ въ наукѣ случайнымъ того, что вообще выводится изъ законовъ. Кто назоветъ пифагорову теорему чѣмъ-то случайнымъ! О случайѣ можетъ идти рѣчь только тогда, когда дѣло идетъ объ отдѣльныхъ существованіяхъ; въ области же всеобщаго отнюдь нѣтъ случая. Поэтому все случайное необходимо только въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, между тѣмъ какъ все явленіе остается таки случайнымъ; такъ напр. ослѣпленіе глаза, хотя и необходимо, если глазъ выжигаютъ каленымъ желѣзомъ, или по инымъ поводамъ, но сами эти поводы не необходимы для глаза: все происшествіе является случайнымъ, ибо оно зависитъ отъ условій лицъ, существующихъ во времени и пространствѣ, и не можетъ быть выведено изъ всеобщихъ законовъ. Точно также и формы болѣзней не случайны, но въ патологій вообще разсматриваются какъ типы или нормативныя формы, между тѣмъ какъ случайнымъ остается, страдаетъ ли г. N. N. плевритомъ, либо дизентеріею или нѣтъ. Случай и законообразность противорѣчатъ другъ другу; и какъ ничего не происходитъ безъ закона, то случай можетъ обозначать только нѣчто относительное, т. е. что одно явленіе стоитъ къ другому не въ законообразномъ отношеніи, а потому и не можетъ быть въ общемъ выведено а priori. Поэтому означенные натуралисты находятся еще на точкѣ зрѣнія Эмпедокла, не знавшаго еще разницы между закономъ и явленіемъ, между всеобщими нормами теченія при-

роды и единичными по этимъ нормамъ образовавшимися существованіями.

Поэтому, если уже съ частной точки зрѣнія и признать случайнымъ то, что въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время совпали условія, при которыхъ могли образоваться растение или животное, нормативныя-то формы, принимаемыя этими организмами, не случайны, но такъ же относятся ко всеобщимъ законамъ природы, какъ напр., пифагорова или птоломеева теоремы къ основоположеніямъ геометріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать эти видовыя формы вѣчными или безвременными, ибо онѣ суть общія слѣдствія изъ общихъ законовъ. Онѣ относятся къ идеальной природѣ міра.

3. Понятіе типа.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу, какъ могло случиться, что матерія сложилась по типу органическаго существа, мы должны впередъ установить понятіе типа. Какъ мы находимъ, обыкновенно всякій этихъ задачъ, вѣдь, избѣгаетъ и полагаетъ, будто знаетъ, какъ само собою понятную вещь, что такое типъ или нормативная форма природы. Но это вовсе не понятно само по себѣ, ибо, даже не говоря о варіаціяхъ, въ которыхъ является каждый типъ, отличіе одного отъ другихъ трудно вообще опредѣлить въ понятіяхъ. Если напр., мы захотимъ установить типъ лошади, то спрашивается, какія явленія надо причислить къ этому типу, а какія выдѣлить. Принадлежатъ ли къ типу лошади тѣ явленія, безъ которыхъ ни одна лошадь никогда не можетъ существовать? Повидимому, это очевидно. Но тогда мы должны принимать въ расчетъ не только ея костную систему и

внутренности, но должны точно также причислить сюда и атмосферу и почву нашей планеты и солнце и кормовыя травы и воду и т. д.; выходило бы, что лошадь въ своемъ типѣ заключаетъ всю солнечную систему, потому что ея части предполагають въ свою очередь, идя постепенно, все прочее. Тогда придется или ненаучно, руководясь однимъ темнымъ чутьемъ, выдѣлить для себя нѣкоторыя явленія и отбросить другія, или же совокупность явленій раздѣлитель сперва понятіемъ цѣли. Если именно поставить сперва жизнь или совокупную функцію лошади, какъ цѣль, т. е. какъ единство всѣхъ сюда относящихся явленій, то можно будетъ затѣмъ отличить и систему орудій или органовъ, производящихъ эту особую функцію, а въ третьихъ, всѣ прочія условія понять, какъ матерію, потому что послѣднія, взятыя сами по себѣ, не имѣють этой функціи, но возобладають ею только тогда, когда превратятся въ означенные органы. Итакъ съ этой точки зрѣнія типъ обнималъ бы только систему орудій со свойственной имъ функціею, ибо въ послѣдней только дано особое единство жизни природы.

7. Принципъ для реализаціи типа. Но признавъ, что такой типъ не есть нѣчто случайное, не мозаика, образовавшаяся изъ безчисленныхъ комбинацій и перестановокъ послѣднихъ неизмѣнныхъ составныхъ частей природы, а безвременный законъ природы, мы этимъ еще не далеко ушли; вѣдь, законъ есть нѣчто всеобщее: назовемъ ли мы его идеею, или образовательнымъ позывомъ, или энтелехіею, или типомъ, мы не объясняемъ себѣ этимъ, какъ онъ можетъ существовать въ природѣ и имѣть силу, не пребывая самъ въ природѣ. Итакъ имманенція идеальнаго въ матеріи есть первое требованіе, если законы не одни видѣнія.

Но имманенція также не есть достаточно опредѣленное представленіе; ибо если бы матерію вещей представлять себѣ, какъ единство, то никоимъ образомъ нельзя было бы объяснить такъ называемую индивидуализацію, т. е. дѣленіе ея на самостоятельныя существа, дѣйствующія другъ на друга. Явленія природы не могутъ происходить, если мы не признаемъ множества принциповъ, находящихся въ общеніи и во взаимодействіи другъ съ другомъ. Поэтому законъ образованія или типъ, какъ имманентный матеріи, останется пустымъ представленіемъ, если мы не рѣшимся приписать этого закона одной или нѣсколькимъ составнымъ частямъ матеріи, какъ специфичное предрасположеніе, по которому одна или другая изъ этихъ частей дѣйствуетъ въ общеніи съ прочими. Никогда нельзя надѣяться дать достаточное объясненіе явленій природы, если не понимать законовъ, какъ внутреннія свойства или силы атомовъ, по которымъ они дѣйствуютъ.

Согласно этому, мы должны спросить, находится ли въ атомахъ законъ образованія, по которому организуется организмъ, какъ цѣлое, или по частямъ, и въ одномъ ли, или въ нѣсколькихъ конкурирующихъ?

Что онъ данъ въ нѣсколькихъ, какъ цѣлое, это, конечно, невѣроятно, ибо для производства одной жизненной формы достаточно и одного принципа; поэтому нѣсколько тождественныхъ принциповъ потребуется тогда только, когда должно родиться близнецамъ или нѣсколькимъ сросшимся особямъ, принимая при томъ, что въ каждой присутствуетъ весь законъ типа.

Но если въ каждомъ атомѣ, содѣйствующемъ въ образованіи организма, присутствуетъ только часть закона, то работа ихъ походила бы на фабрикацію комедій, въ ко-

торой, какъ говорятъ, одинъ предлагаетъ фабулу, другой стихи, третій вставные куплеты и т. д. Только созданіе организма стало бы тогда опять случайною мозаикой, если форму мыслить не какъ первоначальное единство закона, но какъ внѣшнюю встрѣчу различныхъ носителей раздробленнаго типа. Если бы, напр., въ одномъ принципѣ находился законъ образованія печени, въ другомъ — легкихъ и т. д., то пришлось бы проступить противъ всѣхъ законовъ вѣроятности — благодаря тому, что организмы въ цѣломъ образуются столь правильно, между тѣмъ какъ правиломъ должны бы скорѣе стать уродливости, такъ какъ нормальное было бы только однимъ случаемъ между безчисленными другими возможными формами общенія этихъ принциповъ. Да и указанное сочиненіе комедій дало бы также удивительные результаты, если бы составители не сговорились напередъ относительно единства плана.

Слѣдовательно, намъ остается только признать, что законъ образованія для каждаго организма недѣлим и солидарно пребываетъ въ единомъ атомѣ; имъ сперва изъ себя притягивается въ болѣе тѣсное общеніе окружающая матерія и преобразуется. Если для поясненія взять аналогію изъ области искусства, то таковъ архитекторъ, представляющій принципъ для закона образованія дома: имъ приводятся въ движеніе какъ рабочіе, такъ и строительный матеріалъ, а вся работа держится въ цѣлесообразномъ единствѣ. Но этимъ не исключается то обстоятельство, что въ организмѣ образуются подчиненные центры, изъ которыхъ до извѣстной степени самостоятельно исходятъ цѣлые ряды органическихъ функцій: такъ напр., обезглавленную лягушку можно еще по произволу заставить двигаться, а вслѣдствіе того можно

бы помѣстить ея душу въ спинной мозгъ. Но этихъ подчиненныхъ центровъ дѣятельности никогда нельзя принимать за первоначальные; они лишь получили свои свойства посредствомъ души, организующей въ единствѣ. Именно: изложенное нами ученіе, по которому организмъ образуется изъ однихъ самобытныхъ единствъ, коихъ свойства и функции развиваются только благодаря воздѣйствію единаго центра, можетъ удовлетворить всяческому подобному опыту; бессознательные организаціонные законы человѣческой души образуютъ безчисленныя аналогіи для этого въ области соціальной жизни. Органическую природу можно понять лишь при изученіи бессознательной дѣятельности человѣческой души, потому что только она можетъ быть въ послѣдствіи постигнута сознательнымъ разумомъ. А природа вездѣ одна и та же.

Возможно сдѣлать тотъ упрекъ, что это де весьма туманное представленіе — помѣстить законъ образованія въ одинъ атомъ; не есть ли это только схоластичное понятіе, при которомъ исчезаютъ у насъ настоящія мысли? Такіе упреки простительны, потому что наше естествознаніе ищетъ только подходящихъ формулъ для общаго выраженія и вычисленія явленій, но принциповъ ихъ еще не прорабатывало съ философскою точностью, довольствуясь такими абстракціями, какъ силы и законы, и не задумываясь, какъ это послѣдніе витаютъ въ воздухѣ, ровно привидѣнія, пока кто-нибудь не рѣшится не только отвлеchenно разсуждать о матеріи и законахъ, но и точно опредѣлить, гдѣ и какъ эти законы могутъ занимать мѣсто въ матеріи. Для того, чтобы образовать совершенно опредѣленное и ясное представленіе, могущее разсѣять этотъ мнимый туманъ, разсмотримъ тотъ принципъ или атомъ, котораго нутрь можетъ

стать намъ извѣстною, т. е. свою душу. Наша душа дѣйствуетъ всегда по такимъ законамъ образованія, которые имманентны намъ: всякій, кто получилъ логическое развитіе, знаетъ, что его сужденіе, напр., и заключеніе направляются по законамъ мышленія, въ немъ самомъ лежащимъ. Итакъ наши логическія операціи имѣютъ вполнѣ опредѣленныя формы или типы, въ которыхъ мы движемся разъ навсегда; этого нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ единымъ и солидарнымъ закономъ мышленія, который формуетъ весь притекающій мыслительный матеріаль. Точно также общеизвѣстно, что для всякаго ремесла или искусства или практическаго призванія требуется нѣкоторое образованіе души въ техническомъ или практическомъ распложеніи, по которому производятся затѣмъ сложныя функціи. По этой аналогіи можно также мыслить себѣ безсознательный законъ образованія, который вноситъ порядокъ въ выходящую наружу физическую дѣятельность души, и коего вліяніе обнаруживается въ организаціи матеріи въ опредѣленныя типичныя формы.

III.

II. Теорія измѣняемости формъ.

Прежде чѣмъ итти далѣе, оглянемся на пройденный путь изслѣдованія. Мы начали съ того, что взяли понятіе формъ природы въ самомъ обширномъ значеніи, такъ что вмѣстѣ съ типами растеній и животныхъ вступили въ рядъ также и химическія и физическія формы природы. Затѣмъ мы различили отъ формы — существованія и увидали, что формы, опредѣленныя неизмѣнными законами, противостоятъ опредѣляемымъ ими явленіямъ. Чтобы подойти ближе къ своему вопросу, мы должны были раздѣлить формы. Мы увидѣли потомъ, что нормативныя формы и органическіе типы суть точно также безвременныя законы, варьирующіеся только въ явленіяхъ, согласно даннымъ условіямъ. Но относительно этихъ нормативныхъ законовъ оказалось, что они для реализаціи своей въ дѣйствительныхъ предметахъ должны быть понимаемы только какъ бессознательные способы функцій единаго принципа.

§ 1. Общее условіе измѣняемости формъ природы. Мы видѣли, что типы или видовыя формы организмовъ, будучи законами природы, необходимо безвременны и неизмѣнны, точно также, какъ законы мышленія въ насъ не могутъ

быть какъ-либо измѣняемы подѣ какими бы то ни было вліяніями времени. А такъ какъ единичныя животныя и растенія суть только результаты дѣятельности этихъ законовъ, то формы животныхъ и растеній должны поэтому всегда оставаться въ существенномъ одинаковыми: время могло бы показывать намъ только вѣчныя повторенія постояннаго типа, совершенно подобно тому, какъ форма воды или соли всегда точно соотвѣтствуетъ одному и тому же тождественному закону, и никто не счелъ бы возможнымъ, чтобы вода въ древности была иначе, чѣмъ въ новое время. Но при этомъ возрѣнїи мы позабыли бы, что законы, какъ таковые, вовсе не существуютъ. Типы или законы природы — не привидѣнія, но, какъ мы видѣли, должны быть имманентны дѣйствительно существующему принципу, подобно тому, какъ законы мышленія — душѣ, если означенные законы должны производить вліяніе на теченіе природы. Если бы законы мышленія имѣли значеніе только вообще, не будучи обусловливающими элементами въ мыслящихъ, то мышленіе вовсе не подвергалось бы ихъ вліянію, точно также какъ и въ томъ случаѣ, когда въ мыслящихъ существахъ возникаетъ препятствіе для ихъ дѣйствія; напр., при сумашествїи такъ называемое мышленіе играетъ внѣзаконно и фантастично, какъ будто и вообще нѣтъ никакихъ законовъ мышленія.

Если бы поэтому принципы, въ коихъ мы заставляемъ дѣйствовать типы, какъ имманентныя законы, были столь же постоянны и неизмѣнны, какъ и сами законы, то животныя и растенія никогда не могли бы измѣняться въ своемъ типѣ, но всѣ измѣненія могли бы вызываться только недостаточными внѣшними условїями, и потому должны были бы имѣть характеръ ббльшихъ или меньшихъ уродливостей,

которыя никогда всетаки не могли бы перейти извѣстныхъ границъ; ибо иначе типъ не могъ бы вообще болѣе осуществиться, но само отдѣльное существованіе прекратилось бы, какъ напр., когда не доставляютъ растенію воды или снабжаютъ животныхъ пищей, изъ которой они не могутъ образовать существенныхъ элементовъ своихъ тканей.

Но если принципъ, которымъ руководить законъ, какъ нормативный типъ, самъ измѣнчивъ, напр. такъ, что онъ въ извѣстномъ порядкѣ можетъ дѣйствовать то по тому, то по другому закону, — этимъ однимъ давалось бы уже общее условіе измѣняемости формъ природы. Чтобы выяснитъ это понятіе ясною аналогіей, я предполагаю скульптора, выучившагося изображать въ мраморѣ исключительно только типъ Аполлона. Отъ такого ваятеля мы уже только и ожидали бы статуй Аполлона. Но если бы онъ понималъ также и типы Юноны, Геракла и другихъ боговъ и героевъ, то мы могли бы ждать отъ него при различныхъ заказахъ и различныхъ статуй. Поэтому, если органическая природа варьируетъ въ своихъ способахъ воспроизведенія, то это связано исключительно съ тѣмъ условіемъ, что въ атомахъ или принципахъ не можетъ быть руководящимъ одинъ только законъ. Понятіе закона, значитъ, надобно обсудить точнѣе.

§ 2. Возможно ли
 безконечное
 множество типовъ?   Необходимо прежде всего поднять вопросъ, можетъ ли существовать въ природѣ безконечное число типовъ? Это должно быть опредѣлено, отнюдь не взирая на опытъ, ничего не рѣшающій здѣсь, но изъ самого понятія. Ибо нашъ опытъ охватываетъ только прошлое и настоящее нашей планеты, понятіе же простирается на все возможное въ цѣломъ мірѣ.

Понятіе типа привело обратно къ понятію закона; мы видѣли выше, что въ типичныхъ формахъ природы совмѣщается во едино въ совокупную функцію рядъ различныхъ простыхъ законовъ природы. Но въ философіи, равно какъ и въ обыкновенной жизни, такое единство, которымъ цѣлый рядъ условій опредѣляется, какъ своимъ концемъ, называется цѣлью, а указанные условія средствами, потому что безъ ихъ посредничества цѣль не можетъ быть реализована. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о человѣческихъ или произвольныхъ и сознательныхъ цѣляхъ, то само собой разумѣется, мы предполагаемъ при видовыхъ формахъ только природныя цѣли, т. е. жизнь или общую функцію, выполняемую такую системой условій или законовъ.

Если мы совершенно отворачиваемся отъ опыта, то на первый взглядъ кажется возможнымъ мыслить безконечное множество такихъ системъ. Но достаточно и краткаго разсмотрѣнія, чтобы отвергнуть эту грезу: ибо какъ скоро мы для производства какого-нибудь типа хотя бы что-либо опредѣлили, то этимъ однимъ элементомъ тотчасъ исключается безконечное число возможностей. Положимъ, напр., для произведенія треугольника дается одинъ прямой уголъ; этимъ тотчасъ же исключаются безчисленные возможности тупоугольныхъ и остроугольныхъ треугольниковъ. Опредѣлимъ еще и положеніе одного угла, — и фигура треугольника будетъ дана уже вполне: весь типъ его законченъ. Прибавимъ еще величину одной стороны; тотчасъ опредѣлится величина и другихъ двухъ; получится индивидуальная фигура, въ которой абсолютно ничего нельзя измѣнить. Согласно этой ясной математической аналогіи, мы должны мыслить образованіе типовъ животныхъ и ра-

стеній; ибо если для произведенія типа животнаго дано, какъ элементъ, что животное должно будетъ питаться растеніями, то это дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на зубы, внутренности, конечности и на все строеніе его; если прибавлять и нѣкоторые дальнѣйшіе элементы, то обширная область возможности тотчасъ ограничивается все болѣе узкими рамками. А что мы не такъ легко озираемъ эти ограниченія, какъ въ математикѣ, причина этого ясна: математика имѣетъ дѣло съ наипростѣйшими отношеніями и оперируетъ всегда съ немногими элементами, зоологія же обращается съ сложнѣйшими системами, въ сравненіи съ которыми система часовъ является дѣтскою забавой. Несмотря на то, здравый человѣческій смыслъ намъ тотчасъ скажетъ, что, напр., конечности съ копытами не подходятъ къ жизненной системѣ рыбы, а что левъ съ жабрами вмѣсто легкихъ не могъ бы ловить въ пустынѣ газелей. Поэтому, если наша зоологія не въ состояніи еще всю систему типа какого-нибудь животнаго демонстрировать съ математическою точностью и вывести а priori, то всетаки цѣлесообразныя отношенія въ строеніи животныхъ настолько уже изслѣдованы, что мы въ состояніи дѣлать заключеніе отъ единичнаго къ цѣлому. Но независимо отъ всего этого эмпирическаго доказательства, а priori несомнѣнно, что всякое утвержденіе заключаетъ отрицаніе противоположнаго, и потому съ каждымъ устанавливаемымъ элементомъ исключается безконечность возможныхъ синтезъ.

До сихъ поръ мы разсматривали только одинъ отдѣльный типъ. Прибавимъ къ первому второй; тогда обнаружится, что для него различныя возможности его системы еще ограниченнѣе, ибо для перваго типа мы должны были уже предположить простѣйшіе законы физики и хи-

міи, т. е. типы неорганической жизни. Для второго мы не можемъ болѣе принять какой-либо новой физики и химіи, но связаны уже принятыми для перваго. Точно также второй типъ долженъ быть поставленъ въ отношеніе къ первому: такъ какъ существуетъ одинъ только міръ, то все, что мы полагаемъ, находится другъ съ другомъ въ соотношеніи; какъ желудокъ въ млекопитающемъ животномъ не можетъ находиться въ ногахъ или головѣ, но посредствомъ прочихъ частей точно опредѣленъ въ своей природѣ и положеніи, столь же немислимо, чтобы второй типъ образовался безотносительно къ первому.

Станемъ ли мы мыслить все болѣе и болѣе различные типы, — всѣ они будутъ другъ друга взаимно обуславливать и опредѣлять, какъ и всѣ геометрическія фигуры стоятъ въ подобныхъ взаимныхъ соотношеніяхъ: а ргіогі становится ясно, что міръ нашъ вовсе не допускаетъ возможности его мыслить въ иныхъ формахъ; но какъ немногими элементами опредѣляется геометрическая фигура, точно такъ же и міръ есть система законовъ или типовъ, т. е. система системъ, живое единство условій, могущихъ дѣйствовать вмѣстѣ только даннымъ, а не инымъ способомъ.

Разрѣшаются два затрудненія: Какъ отсюда вытекаетъ, то, что пѣ-
а) можетъ суще- ствовать одинъ лишь міръ. которые говорили о многихъ возможныхъ мірахъ, было пустымъ представленіемъ. Но мы разумѣемъ здѣсь сначала не явленіе, но законъ. По закону типа лошади происходитъ, правда, безконечно много различныхъ лошадей, но законъ и былъ и есть одинъ. Спрашивается, могли ли бы законы міра быть иными; ибо тогда только, если бы

господствовало иное законодательство, имѣли бы мы другой міръ; пока же только стоитъ въ силѣ одна тождественная система законовъ хода природы, до тѣхъ поръ мы можемъ говорить лишь объ единомъ мірѣ.

Но гипотеза объ иныхъ законахъ міра можетъ исходить всегда только изъ фантазіи, а не изъ разума и разсудка. Ибо весь нашъ разсудокъ и разумъ покоится на томъ, что мы признаемъ законы міра и явленія въ мірѣ сводимъ на законы. Прекращеніе законовъ было бы поэтому и прекращеніемъ разума. вмѣстѣ съ тѣмъ такое представленіе и фантастично, ибо фантазія, могущая представлять намъ иныя явленія, чѣмъ тѣ, какія даются чувствамъ, простираетъ въ данномъ случаѣ эту метаморфозу и на область, которая не есть явленіе, именно, на область разсудка и разума, гдѣ фантазіи болѣе не представляется никакихъ правъ. Поэтому такая гипотеза фантастична, безразсудна и неразумна.

Чтобы объяснить это на примѣрѣ, вообразимъ себѣ, что углы могли бы имѣть мѣрою также острый или тупой уголъ, а не только прямой, какъ это въ системѣ нашего міра. Но эту разницу между углами можно дѣлать только, предполагая прямой уголъ, коего смежный равенъ ему самому. Всякій другой уголъ, взятый въ качествѣ мѣры, былъ бы не только неудобенъ для вычисленій, но и произволенъ, такъ какъ неравныхъ угловъ безконечное множество; только равные образуютъ единство и мѣрило, ибо по природѣ вещей неравное измѣряется равнымъ, а не наоборотъ. Такая гипотеза погрѣшала бы противъ нашего смысла вещей и потому была бы бессмысленна. То же самое вышло бы, если бы мы вздумали отвергнуть какой-нибудь законъ физики, либо химіи, или какой другой міро-

вой законъ; только наше недостаточное познаніе сложнѣйшихъ законовъ природы позволяетъ фантазіи переноситься отъ дѣйствительно имѣющихъ силу законовъ и типовъ природы къ другимъ возможнымъ, точно такъ же, какъ несвѣдущій въ естественныхъ наукахъ воображаетъ, будто на воздушномъ шарѣ возможно достигнуть мѣсяца.

б) всякое изслѣдованіе природы предполагаетъ телеологию.

Но могутъ сдѣлать другое возраженіе, а именно, что намъ вѣдь неизвѣстно послѣднее единство или послѣдняя цѣль міра; по крайней мѣрѣ, отнюдь не существуетъ де на этотъ счетъ среди ученыхъ единогласія. А какъ мы не знаемъ послѣдняго основанія для согласія всѣхъ законовъ міра, слѣдовательно, мы не можемъ говорить и о системѣ міровыхъ законовъ. Но и это возраженіе шатко, ибо для понятія системы рѣшительно не имѣетъ значенія, понимаемъ ли мы въ данной системѣ единство или нѣтъ. Понятіе системы требуетъ только признать взаимное соотношеніе всѣхъ единичныхъ функцій между собою, откуда неизбѣжно, даже если бы отдѣльные элементы съ самага начала и не были рассчитаны другъ на друга, вытекаетъ единство общаго исполненія. Но и въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ поставить это единство принципомъ, и тогда элементы опять явятся рассчитанными для воспроизведенія онаго. Итакъ, знаемъ ли мы единство или нѣтъ, примемъ ли мы, что элементы міра изначала другъ на друга рассчитаны, или случайно запопали другъ друга, всегда необходимо будетъ сама собою образовываться система, если сдѣлать только единственное предположеніе, а именно, что элементы вообще могутъ вступать другъ съ другомъ во взаимодействіе, т. е. взаимовозвратно

дѣйствовать и страдать. Это же предположеніе не будетъ произвольнымъ: оно есть необходимое требованіе разума; ибо то, что отнюдь не испытываетъ никакого вліянія отъ другого, совершенно и не существуетъ для этого послѣдняго, такъ какъ оно не препятствуетъ и не содѣйствуетъ. Поэтому взаимодействіе всѣхъ элементовъ предполагаетъ законы, возвышающіеся надъ существованіемъ каждаго отдѣльнаго элемента, и приводящіе все отдѣльное къ единству. А посему, кто вообще принимаетъ законы природы, тотъ долженъ также признать и систему законовъ, и, слѣдовательно, отдѣльные законы отнести къ послѣднему единству, или къ послѣдней цѣли. Поэтому каждый естествоиспытатель, поскольку онъ естествоиспытатель, т. е. поскольку онъ ищетъ законовъ природы, неизбѣжно также и телеологъ, т. е. онъ предполагаетъ единство или послѣднюю цѣль, изъ коей, какъ изъ простѣйшаго принципа, могутъ быть объяснены всѣ законы. Нѣтъ необходимости, чтобы всѣ естествоиспытатели подлинно признавали это; вѣдь не было препятствій и къ тому, что они не задумывались надъ вопросомъ: это пониманіе не есть эмпирическое изслѣдованіе, но абстрактная спекуляція. Но если бы нѣкоторые изслѣдователи природы и полагали, что они противоположнаго убѣжденія, то своими дѣйствительными работами они всетаки признаютъ, хотя косвенно и молчаливо, обратное, ибо они стремятся доказать всеобщую связь всѣхъ явленій, а значитъ, предполагаютъ и систему природы, значитъ, и единство или послѣднюю цѣль.

§ 3. Типъ и
явленіе.

Но если мы такимъ образомъ должны требовать системы законовъ природы, то отъ этой идеальной сути природы нужно отличать явленія

дѣйствительной жизни природы; ибо законъ есть нѣчто всеобщее, дѣйствительность же — исключительно въ соотношеніяхъ единичныхъ реальныхъ существъ. Поэтому выходить, что простые и самые общіе законы необходимо всегда реализуются, болѣе же сложные, т. е. типы — не всегда, ибо ихъ осуществленіе зависитъ отъ случайнаго стеченія многихъ условій, какъ это еще раньше показано. Поэтому, хотя неправильныя явленія въ природѣ также необходимо законны, всетаки для нихъ въ идеальной природѣ вещей никакъ нельзя подыскать типа.

Это, пожалуй, покажется страннымъ и непослѣдовательнымъ, и потому должно быть выяснено поточнѣе. По моему мнѣнію, напр., для глаза его природная приспособленность къ зрѣнію типична, точно такъ же, какъ и конвергенція зрительныхъ осей на объектъ, но слѣпота и косоглазіе не типично и не нормативно. Это вытекаетъ прямо уже изъ идеи системы, въ которой необходимо одно избирается, и устраняется противорѣчащее. Я хочу выяснитъ мысль при помощи еще болѣе извѣстныхъ аналогій. Въ геометріи, напр., мы считаемъ прямой уголъ типомъ, ибо его форма и величина разъ навсегда установлены общими систематическими отношеніями линій; величина острого угла въ равностороннемъ треугольникѣ точно также постоянна, величина же острыхъ угловъ при основаніи равнобедреннаго треугольника непостоянна. Въ прямоугольномъ равнобедренномъ треугольникѣ опять величина острыхъ угловъ постоянна. Такъ мы видимъ, что природа вещей посредствомъ своихъ законообразныхъ систематическихъ отношеній вездѣ устанавливаетъ типы. Но прежде чѣмъ перейти отъ одного типа къ другому, всегда находится посрединѣ просторъ для возможныхъ формъ, которыя всѣ, правда, по наиболѣе

общимъ законамъ необходимы, но всетаки не имѣютъ типа. Такъ, напр., существуетъ безконечное множество остроугольныхъ треугольниковъ; хотя ихъ измѣняющаяся величина постоянно опредѣляется тѣмъ, что сумма ихъ угловъ не можетъ быть ни больше, ни меньше двухъ прямыхъ; ибо въ этомъ они слѣдуютъ всеобщему закону треугольника; но ихъ величина внутри этихъ границъ отнюдь не подлежитъ типу. Если три угла все взаимно сближаются по своей величинѣ, то треугольникъ опять пріобрѣтаетъ постоянный типъ въ то мгновеніе, какъ три угла станутъ равными другъ другу. Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, какъ природа вещей всегда обнаруживаетъ между типичными формами нѣкоторый просторъ законныхъ и въ то же время неограниченныхъ или нетипичныхъ формъ. Согласно этому, мы должны признать, что хотя косоглазіе и необходимо законно въ силу дѣятельности различныхъ мускуловъ, направляющихъ движенія глазного яблока по закону параллелограмма силъ, однако, всѣ эти возможныя формы косоглазія лишены типа или нормы.

Одно изъ затрудненій падаетъ. — Критерій и опредѣленіе типа. Дабы избѣжать возраженія, что нѣтъ никакого надежнаго критерія, по которому было бы возможно отличить типичное отъ неограниченнаго, и что только опытъ принимаетъ происходящее почтаще за типъ и по числу случаевъ образуетъ правило, мы опредѣлимъ точно критерій. Типичное есть то, чего форма и условія могутъ быть выведены изъ всеобщихъ законовъ, неограниченное или нетипичное — то, чего форма можетъ, а условія не могутъ быть опредѣлены изъ всеобщихъ законовъ. Короче сказать, типъ можно опредѣлить, какъ такую форму, условія которой телеологичны, т. е. слѣдуютъ изъ

системы. Аномальна такая форма, условія которой не лежатъ въ системѣ, но случайны. Законообразны же онѣ обѣ въ равной степени по опредѣленности своей формы. Такъ въ системѣ необходимо заключается форма треугольника съ равными сторонами и равными углами и другія одинаково установленныя формы треугольника; всѣ же безчисленныя формы остроугольныхъ треугольниковъ, не принадлежащихъ къ этимъ типамъ, хотя и опредѣлены законообразно, смотря по принятымъ въ данномъ случаѣ условіямъ, однако, признаніе этихъ условій не лежитъ въ системѣ, а случайно и должно быть дано. Согласно тому же самому критерию, видящій глазъ съ конвергирующими на объектъ осями типиченъ, а косою ненормаленъ, потому что условія косоглазія не могутъ быть выведены вообще изъ системы тѣла и цѣли зрѣнія, но случайны и даны. Итакъ критерій для типа не опредѣляется эмпирически — просто изъ числа случаевъ, но опредѣленъ а priori. Изъ этого опять слѣдуетъ, что типъ есть въ природѣ господствующее и дающее цѣль для роста и становленія предметовъ и имѣетъ перевѣсъ по числу явленій; типъ же и для науки даетъ мѣрило, которымъ мы измѣряемъ явленія и устанавливаемъ естественный порядокъ предметовъ.

§ 4. Міръ является въ послѣдовательныхъ и одновременныхъ системахъ координатъ.

Если мыслить себѣ всю систему міровыхъ законовъ въ ея отношеніи къ веществу, кое, опредѣляясь этими законами, образуетъ явленіе міра, то тотчасъ выступаютъ двѣ возможности. Во первыхъ, вся система можетъ быть вполне реализирована въ явленіяхъ и, на подобіе замысла художника, изображена на законченной картинѣ, причеиъ не ожидается и не предполагается для ея совершеннаго

дѣйствія ничего послѣдующаго и ничего предыдущаго, но уже въ цѣломъ она неподвижна, закончена, и всѣ части дѣйствуютъ одновременно. Что мы не представляемъ себѣ міръ таковымъ, очевидно изъ опыта, указывающаго на постоянную смѣну явленій. Но обращеніе къ опыту не можетъ здѣсь имѣть рѣшающаго значенія; мы должны и усмотрѣть а priori, почему такой родъ явленія міра немислимъ. А именно, какъ мы видѣли, въ системѣ каждымъ типомъ полагаются и нѣкоторые иные, другіе же исключаются; поэтому система есть система координатъ. Но такъ какъ каждый типъ, согласно общему предположенію воздѣйствія и испытыванія, безъ которыхъ мы не имѣли бы вообще ничего дѣйствительнаго, опять подлежитъ условіямъ, то эти послѣднія и образуютъ предыдущую систему координатъ — и такъ далѣе, какъ въ прошедшее, такъ и въ будущее. Одновременно они не могутъ быть, ибо исключаютъ другъ друга по своему понятію. Стало быть, міръ можетъ существовать только во второй возможной формѣ, по которой общая система законовъ представляется послѣдовательно только въ одновременныхъ системахъ координатъ. Первая же форма, значить, тоже принадлежитъ міру, но только, какъ идеальная средняя величина изо всей системы послѣдовательностей, подобно тому, какъ художникъ фиксируетъ изъ цѣлой трагедіи наиболѣе драматическій моментъ одной сцены.

Основаніе измѣненій и развитій.

Итакъ изъ вышеприведенныхъ соображеній выходитъ, что міръ необходимо долженъ образовывать послѣдовательныя системы координатъ; спрашивается только, какъ объяснить, что различныя формы переходятъ одна въ другую, напр., какъ только-что предшествовавшая форма явленій переходитъ въ на-

стоящую форму. Именно: въ формѣ, какъ таковой, на первый взглядъ, никакъ не лежитъ основаніе перемѣны, какъ и прямоугольный треугольникъ не измѣняется самъ собою въ равновеликій тупоугольный.

а) Основаніе измѣненія не можетъ лежать въ какой-либо внѣшней причинѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ причиною бываемъ мы сами, ибо мы извнѣ производимъ измѣненіе, продолжая стороны до нѣкоторой точки параллели въ такомъ отношеніи, въ какомъ уменьшаются острые углы. Можемъ ли мы такимъ же образомъ принять и для міра нѣкоторую внѣшнюю причину, измѣняющую формы послѣдняго? Подобное возрѣніе дѣйствительно имѣется: материалистичный атомизмъ. Атомистъ мыслить въ качествѣ такой внѣшней причины — случай. Поэтому у него міръ является мозаичною картиною, которая составляется такъ или иначе, смотря по судьбамъ случая. Но при этомъ забываютъ, какъ было указано выше (на стр. 12), что измѣненіе извнѣ возможно только тогда, когда въ измѣняющихся элементахъ признается нѣкоторая нутрь, дѣйствующая и испытывающая; ибо безъ дѣйствія и испытыванія ничего не можетъ происходить. Поэтому атомы, образующіе этотъ міръ взаимнымъ дѣйствіемъ и страданіемъ, должны быть изнутри побуждаемы къ измѣненію своихъ функцій, если внѣшнее причиненіе должно имѣть какой-нибудь результатъ. Но случай не есть вещь и потому отнюдь не можетъ производить дѣйствія; слѣдовательно, только случайно послѣдовавшія измѣненія нѣкоторыхъ атомовъ могли бы равнымъ образомъ повести за собой координированное измѣненіе другихъ атомовъ; значитъ, оставалось бы объяснить, въ силу чего измѣнились первые. Ибо утвержденіе, что это произошло случайно, или

отказывается отъ познанія основанія, и потому ненаучно, или должно указать какое-нибудь предшествовавшее измѣненіе, какъ причину. Ясно, что вопросъ уходитъ въ безконечность, ибо данное измѣненіе должно опять требовать случайнаго предшествовавшаго измѣненія другихъ атомовъ и т. д. Итакъ причина измѣненія совершенно необъяснима случаемъ.

б) Внутреннее ос- Поэтому намъ приходится отказаться нованіе измѣненія. отъ поисковъ внѣшней причины для измѣненій въ мірѣ. Значить, можно принять причину только внутреннюю. Этотъ допускъ сталъ доступенъ намъ уже изъ предыдущаго изслѣдованія: мы признали, что принципы или атомы, поскольку они дѣйствуютъ или страдаютъ, необходимо должны имѣть нѣкоторую нутрь и, слѣдовательно, могутъ стоять заурядъ съ принципомъ, именуемымъ душою. Равнымъ образомъ мы уже видѣли, что законы природы, а слѣдовательно, также и типы или нормативные законы должны быть перенесены внутрь атомовъ или принциповъ.

Принципы носятъ всю систему законовъ природы въ себѣ. Спрашивается только, признать ли въ каждомъ элементѣ единый законъ, напр., въ атомѣ кислорода (если позволительно признать таковой на минуту для цѣлей демонстраціи) только одинъ законъ, по которому онъ въ координаціи съ двумя атомами водорода обращается къ функціи, внѣшнее проявленіе коей для нашего чувства мы называемъ водою? Но такое допущеніе было бы шатко; ибо тотъ же самый атомъ входитъ и въ соединеніе съ сѣрой, желѣзомъ, фосфоромъ и т. д.; далѣе онъ находится также въ соотношеніи съ другими по закону притяженія и по другимъ безчисленнымъ законамъ. Итакъ пришлось бы вложить въ его нутрь столько же законовъ, сколько признается

формъ или соединеній. Но такъ какъ и при небольшомъ размысленіи становится ясно, что отношеніе къ каждому ближайшему элементу опредѣляется не только послѣднимъ, но соопредѣляется и прочими и даже всѣми элементами міра, то необходимо придется вложить въ каждый элементъ или міровой атомъ всю систему законовъ, по которымъ вообще направляются всѣ функціи элементовъ. Это допущеніе имѣетъ за себя еще и то, что не можетъ быть дано никакого основанія для распредѣленія законовъ между тѣми или другими элементами. Оказывается также, что повсюду имѣютъ силу одни и тѣ же законы, и элементы тождественны для всѣхъ неорганическихъ и органическихъ тѣлъ; каждый элементъ такимъ образомъ можетъ, смотря по своимъ отношеніямъ, функціонировать въ самыхъ различныхъ координаціяхъ.¹⁾

Этимъ мы приобретаемъ идею единства цѣлаго міра: система всѣхъ законовъ сильна повсюду, т. е. въ каждомъ элементѣ. Мы называемъ обыкновенно эту систему просто

---

1) Выраженія «функція» и «координаты» первоначально принадлежали умозрительной философіи, но потомъ были примѣнены также и въ математикѣ, физиологіи и другихъ областяхъ. Поэтому неизбѣжно, что точный смыслъ ихъ всегда можетъ получаться только изъ контекста. Но изъ послѣдующаго видно, что каждое данное состояніе міра я считаю только за перспективное изображеніе единого и тождественнаго міра, почему и математическій смыслъ этихъ выраженій нахожу пригоднымъ для обозначенія этихъ отношеній. Если, напр., принять (при прямоугольныхъ координатахъ) уравненіе круга $y^2 = 2gx - x^2$, то для каждого любого пункта периферіи соответственныя разстоянія опредѣляются одинаковою функціею, т. е. даны, какъ координаты. Въ этомъ смыслѣ для каждого элемента міра въ отношеніи его напряженности и живой силы состояніе прочаго міра должно разсматриваться, какъ координата, и для каждого любого пункта времени выражаться посредствомъ равной функціи. Одновременному въ мірѣ соответствовало бы построеніе на плоскости, послѣдовательнымъ же состояніямъ — сопряженныя построенія для различныхъ плоскостей.

природою; посему это допущеніе согласуется и съ господствующимъ убѣжденіемъ, что природа во всякомъ элементѣ налицо всецѣло и недѣлимо и повсюду имѣеть одну и ту же сущность и значеніе.

Два затрудненія
уничтожаются :

а) затрудненіе объ-
яснить измѣненіе
безъ признанія пер-
ваго толчка.

Предположивъ эти принципы, мы дол-
жны теперь повторить тотъ же самый во-
просъ: какимъ образомъ съ этой точки
зрѣнія могутъ быть причиняемы въ мірѣ
перемѣны? Ибо, повидимому, тождествен-
ному закону соотвѣтствуетъ также и идентичное явленіе
всѣхъ элементовъ міра; такимъ образомъ у насъ какбы
получился неподвижный и неизмѣнный міръ. Этотъ во-
просъ считается необыкновенно труднымъ и трансцендент-
нымъ, отчего многіе великіе натуралисты дошли до созна-
нія, что они, разъ міръ въ движеніи, и могли бы объяснить
дальнѣйшія измѣненія по законамъ природы, но всетаки
для перваго измѣненія, для перваго толчка нуждаются во
внѣшней причинѣ. Попытаемся и мы изъ своихъ посылокъ
вывести заключеніе и рѣшить вопросъ.

Дедукція измѣненій
изъ понятія систе-
мы природы.

Трудность, какъ это мы сейчасъ уви-
димъ, заключается въ понятіи времени.
Выйдемъ изъ даннаго состоянія въ настоя-
щемъ. Въ немъ всѣ элементы находятся въ строгой коорди-
націи, такъ что ни одинъ элементъ не могъ бы функционировать
иначе, чѣмъ онъ теперь функционируетъ, ибо одновременно
данными элементами онъ точно опредѣленъ въ своей фун-
кціи по рсду и величинѣ. Пользуясь музыкальной апа-
логіею, можно было бы назвать это міровой гармоник-
ою. Но вѣдь каждый элементъ опредѣленъ не въ одномъ
только этомъ направленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ точно пред-

опредѣленъ и по отношенію къ ближайшему слѣдующему и только что предшествовавшему міровому состоянію: координація касается какъ одновременнаго, такъ и послѣдовательнаго. Это отношеніе можно было бы сравнить съ мелодіею и подчинить мелодикѣ міра. Отсюда ясно, что нѣтъ никакой нужды во внѣшней причинѣ, чтобы начать въ мірѣ измѣненія: всѣ измѣненія опредѣляются исключительно внутренно по координаціямъ послѣдовательныхъ функцій.

Нужно только еще показать апріорно, почему вообще происходитъ послѣдовательное измѣненіе, а данное состояніе не длится вѣчно. Но основаніе этому мы видѣли еще ранѣе (стр. 35): именно, каждая отдѣльная функція можетъ быть объяснена не только изъ ближайшей связи съ одновременными функціями другихъ элементовъ, но должна быть соотнесена и къ единству системы, въ которой всякая функція полагается условіемъ дальнѣйшихъ и послѣдствіемъ предшествовавшихъ функцій элементовъ. Такъ, напр., закрытый глазъ плода въ утробѣ матери необходимъ въ данномъ состояніи, но эта цѣлесообразность объясняется только соотнесеніемъ къ позднѣйшей функціи, производимой глазомъ въ родившемся на свѣтъ ребенкѣ. Безъ этого отношенія къ зрѣнію невозможно объяснить устройство глаза. Но обратно — и плодъ требуетъ опять условій, заключающихся въ рожденіи. На этомъ примѣрѣ можно сдѣлать нагляднымъ апріорное доказательство, вовсе, однако, не нуждающееся въ такихъ опытахъ.

Измѣненія, поскольку они соотносятся къ единству системы, называютъ развитіемъ; изъ этого понятія вытекаетъ, что мы не нуждаемся болѣе во внѣшней

причинъ измѣненія, ибо всякое состояніе обусловливается не только одновременнымъ, не только предшествовавшимъ, но одинаково и будущимъ состояніемъ. Только близорукость нѣкоторыхъ изслѣдователей и недостатокъ философскаго упражненія приводятъ ихъ къ тому, что они всегда ищутъ условій какого-либо явленія въ одномъ прошедшемъ. Имъ надо бы знать, что природа и ея законы вѣчны и вообще ничего не имѣютъ общаго со временемъ. Законы природы образуютъ единство системы, безвременное цѣлое, и потому каждое отдѣльное явленіе опредѣляется цѣлымъ природы, т. е. точно такъ же будущими результатами, какъ и прежними явленіями, ибо время и явленія вообще не имѣютъ никакого вліянія на природу и ея законы. Вѣдь ни одинъ законъ не прѣмѣняется тѣмъ, что за однимъ явленіемъ слѣдуетъ другое; но эта смѣна происходитъ всегда по тождественно пребывающимъ законамъ. Итакъ, если законы образуютъ цѣлое и не измѣняются во времени, то и всякое явленіе слѣдуетъ изъ этого единства: такъ какъ вслѣдствіе единства системы необходимо развитіе, то всякое событіе, значить, опредѣляется какъ будущимъ, такъ и прошедшимъ. Стало быть, упомянутое требованіе нѣкоторыхъ естествоиспытателей, желающихъ для перваго измѣненія вишняго толчка въ прошедшемъ, есть чистая фантазія, ибо причины вообще должны заключаться безременно въ единствѣ всѣхъ законовъ — въ цѣлой системѣ природы.

б) трудность объяснить измѣненіе въ виду сущности времени.

Но недостатокъ философскаго сознанія относительно сущности времени вызываетъ еще и второе затрудненіе. Именно, обыкновенно исходятъ изъ настоящаго мгновенія и идутъ назадъ въ прошлое. Вслѣдствіе этого приходятъ къ фантастичному

представленію, будто и вообще нигдѣ нельзя найти начала, потому что время заводитъ все далѣе назадъ въ безконечность. Такую игру фантазіи считаютъ даже логически принудительнымъ заключеніемъ, потому что не трудятся изслѣдовать понятіе сущности времени.

Дедукція перспе-
ктивной природы
времени.

Время вѣдь есть только сравненіе, мѣра. Я не дамъ здѣсь полной дедукціи, но лишь обращаю вниманіе на пункты, рѣшающіе нашъ вопросъ. Если не положить въ основу никакой единицы, то нельзя будетъ опредѣлить продолжительности ни одного явленія. Но самой этой единицы не выразить посредствомъ времени, не предполагая для него опять какой-либо безвременной единицы. Такъ, напр., время вращенія земли вокругъ солнца измѣряется единицей вращенія вокругъ оси. Для послѣдняго, взятаго въ качествѣ единицы, можно опять найти единицу въ другихъ единицахъ: время обозначаетъ при этомъ всегда только сравненіе нѣкоторой величины съ единицею. Положить ли эту единицу малою или великою, принять ли за единицу движеніе неправильное, или близкое къ равномерному, или предположить абсолютно равномерное движеніе въ видѣ измышленной единицы, всегда время будетъ числомъ, которое получается изъ сравненія. Такъ какъ это сравненіе можно производить, начиная съ любой единицы, то съ переменною единицы, какъ мѣрила, каждое явленіе можно называть то кратковременнымъ, то долгимъ, бесконечно краткимъ или бесконечно длительнымъ; а какъ можно начинать и съ любого пункта явленій, то всякое время можно назвать и будущимъ, и настоящимъ, и прошедшимъ. Поэтому времена тогда только оказываются прочно координированными, когда полагается какой-нибудь пунктъ, какъ начало,

т. е. черезъ сравненіе; но по себѣ нѣтъ ничего во времени. Отсюда видно, что время подобно окружности круга. Последняя не имѣетъ ни начальной, ни конечной точки, но любой пунктъ можно избрать началомъ и оттуда идти по окружности взадъ и впередъ. А такъ какъ каждый пунктъ избирается произвольно, ибо ни одинъ не заслуживаетъ преимущества быть началомъ, то при слѣдованіи по окружности необходимо должно въ заключеніе опять притти къ начальному пункту, т. е. сознаться, что онъ не былъ началомъ, но одинаково можетъ считаться серединою и концомъ.

Но насколько это извѣстно и ясно каждому, настолько же это невразумительно для толпы при разсмотрѣніи міра. Такъ какъ нѣкоторые великіе естествоиспытатели искали причинъ только въ прошломъ, начиная со своего настоящаго, то полагалось необходимымъ принять, что причины также бѣгутъ по прямой линіи въ безконечность. Но все это только фантазія, а не мысли.

Ходъ причинъ все назадъ въ безконечность неудовлетворителенъ, хотя этого еще до сихъ поръ и не замѣтили, потому что природа образуетъ единство, систему законовъ: стало быть, прошедшее опредѣляется не только болѣе раннимъ прошлымъ, но точно также и будущимъ. Значить, нельзя допустить теченія времени по прямой линіи, каково господствующее мнѣніе, но нужно подчиниться разуму и понять, что иллюзія прямолинейности происходитъ только отъ незначительности нашего зрительнаго поля. Подобно тому, какъ съ каждой точки мы видимъ землю въ видѣ плоской поверхности, и всетаки не ставимъ понятіемъ, будто и вся земля — плоскость, но убѣждаемые разумомъ,

принуждаемся опредѣлить ее, какъ шаръ: точно такъ же убѣждаемые разумомъ, мы должны прямолинейность времени перегнуть въ кругъ; ибо отдаленнѣйшее прошлое опредѣляется дальнѣйшимъ будущимъ, чѣмъ прекращается противоположеніе начала и конца. Значить, каждое опредѣленіе времени лишь относительно, допустимо только, если произвольно начинать одною точкою и сообразно ей группировать все прочее; цѣлое же всегда ранѣе всякой части, и каждая часть для всякой другой есть будущее и прошедшее. Поэтому, разъ образовано понятіе природы, какъ единства системы, разрѣшается и вопросъ о началѣ измѣненія: оказывается, что этотъ вопросъ можно предлагать только тогда, когда спрашивающій хочетъ измѣрить цѣлое, исходя изъ своей частной точки зрѣнія, и потому получаетъ лишь перспективную картину, въ которой кривое явится прямымъ, прямое кривымъ, между тѣмъ какъ цѣлое само по себѣ, т. е. не разсматриваемое перспективно, не имѣетъ ни начала, ни конца, но образуетъ безвременное единство.

Дедукція безвременности міра.

Это необходимое заключеніе не такъ легко становится убѣжденіемъ; противо-дѣйствуетъ этому прежде всего то, что каждый изъ насъ неизбежно разсматриваетъ міръ со своей частной точки зрѣнія и потому законы перспективнаго явленія переносить и на цѣлое природы. Всякъ поэтому, одержимый подобной иллюзіею, полагаетъ, что такіе законы, какъ напр.: случившагося нельзя сдѣлать небывшимъ, будущаго еще нѣтъ, — что происходитъ въ разное время, не бываетъ одновременно, и другіе въ томъ же родѣ имѣютъ значеніе и силу, помимо частной точки зрѣнія, и для самого міра. И это вовсе не малость — подняться надъ такою точкою зрѣнія:

чтобы приобрести точку зрѣнія, не поддающуюся болѣе вліянію этой иллюзіи, требуются крылья получше, чѣмъ орляныя — аподиктическая сила разума.

Настоящее причиняется ближайшимъ прошлымъ; таково общее ученіе. Но сколько времени требуется на переходъ отъ причины къ слѣдствію? Если причина вообще можетъ вызывать слѣдствіе, то слѣдствіе наступитъ тотчасъ же. Но если дѣйствіе слѣдуетъ не тотчасъ, значитъ, не доставало чего-либо въ причинѣ, но не времени, а еще одной дѣйствующей силы. Ибо время не можетъ помочь причинѣ стать сильнѣе, точно такъ же, какъ ученикъ за долгое ожиданіе предъ экзаменомъ не получаетъ лучшей отмѣтки, а только наполненное ученіемъ время сдѣлаетъ его дѣльнѣе. Поэтому каждая полная причина производитъ свое слѣдствіе тотчасъ, т. е. безо всякой наималѣйшей потери времени. Если же должно сперва истечь время, то это значитъ, что ко мнимой, но не настоящей причинѣ должно прибавить сперва еще то, что вмѣстѣ съ первою сдѣлается причиной. Если далѣе для ближайшей причины потребовать вторую предшествовавшую причину, а для этой второй третью и т. д. и наконецъ въ понятіи охватить всѣ причины и всѣ слѣдствія, то между первою причиной и послѣднимъ слѣдствіемъ рѣшительно не можетъ протечь нисколько времени, и потому міръ, какъ абсолютное цѣлое этихъ общихъ связей дѣйствія и страданія, причины и слѣдствія, необходимо долженъ быть безвременнымъ, такъ что нѣтъ ничего раньше, и ничего позднѣе, ничего будущаго, и ничего прошедшаго, ничего случившагося въ противоположность неслучившемуся. Тѣ законы, которые мы съ частной точки зрѣнія удерживаемъ и примѣняемъ ко всему міру, являются, стало быть, на основаніи этихъ аподиктическихъ за-

ключеній разума, простыми правилами для перспективных образовъ, въ какихъ міръ долженъ являться каждой особи. На эти правила опредѣлительно вліяетъ логическій порядокъ въ безвременной системѣ міра; этотъ порядокъ и есть основаніе, по которому мы вообще различаемъ прошедшее отъ будущаго и принимаемъ противоположность направленія; послѣдняя сама по себѣ такъ же не заключается въ понятіи времени, какъ изъ понятія пространства нельзя вывести противоположности между правымъ и лѣвымъ. Этой задачи философы вообще вовсе еще себѣ не ставили, потому что они исходили изъ могущества факта и привычки, по которымъ эта разница кажется извѣстною и сама по себѣ понятною. Но противоположность направленія во времени нельзя вывести иначе, какъ изъ понятія систематическаго порядка въ отношеніи къ реальнымъ элементарнымъ принципамъ, образующимъ міръ. Ибо, если цѣлое безвременно и закончено, за то каждая часть логически обуславливается другою. Крыша можетъ быть мыслима, какъ нѣчто болѣе раннее фундамента и на немъ основаннаго строенія, поддерживающаго крышу. Но въ цѣлой мелодико-гармоничной міровсей системѣ координатъ каждая особь есть опредѣленный членъ, и потому ея функціи необходимо заключаютъ въ себѣ направленія и обусловленнаго и подлежащаго обусловленію, того, что прежде, и что послѣ. Поэтому какъ въ пространствѣ, коль скоро какъ-нибудь установиться въ немъ, тотчасъ дается противоположеніе праваго и лѣваго, точно такъ же и во времени перспективно опредѣляется противоположность между предыдущимъ и послѣдующимъ, разъ исходишь изъ любого избраннаго пункта. Но такъ какъ подобное воззрѣніе

возможно только съ частной точки зрѣнія, т. е. только для чувствъ и фантазіи, тогда какъ мышленіе можетъ переходить далѣе къ цѣлому, то идя мышленіемъ все далѣе чрезъ природу самой этой системы, необходимо опять возвращаешься къ исходному пункту, такъ что даже частная особь должна считать себя для своего мышленія какъ настоящею, такъ равно и прошедшею и будущею. Кто, напримѣръ (объяснимъ менѣе извѣстное аналогіею изъ извѣстной сферы), при разсмотрѣніи организма исходитъ отъ желудка, тотъ приходитъ къ кровотворящимъ органамъ, а черезъ нихъ ко всѣмъ тканямъ и наконецъ возвращается къ желудку; послѣдній является такимъ образомъ причиной и слѣдствіемъ самого себя. Поэтому въ системѣ сами собою упраздняются всѣ точки зрѣнія, которыми руководится перспективное разсмотрѣніе, ибо эти точки зрѣнія праваго и лѣваго, выше и ниже, причины и слѣдствія, начала и конца, прежде и послѣ и т. д. имѣютъ только тогда значеніе, пока исходишь изъ частной точки зрѣнія; для цѣлаго же онѣ не могутъ имѣть никакого значенія. Вотъ гдѣ философское основаніе закона сохраненія силы; ибо цѣлое міра тождественно самому себѣ, почему въ любое мгновеніе должно являться и количественно самому себѣ равнымъ, хотя въ различные пункты времени, т. е. при перспективномъ разсматриваніи оно представляетъ различную картину распредѣленія напряженія и живой силы. А какъ мы со своимъ опытомъ постоянно находимся на частной точкѣ зрѣнія, то и приходимъ по необходимости, а не по произволу, къ тому или другому опредѣленному пункту времени. Тотъ фактъ, что мы созерцаемъ міръ, какъ временную послѣдовательность, безусловно требуетъ прекращенія пантеизма и при-

водитъ къ полаганію многихъ самостоятельныхъ единствъ, какъ элементарныхъ принциповъ, находящихся другъ къ другу въ опредѣленныхъ отношеніяхъ взаимодѣйствія; и потому при сознательномъ функціонированіи они должны созерцать міръ подъ формою времени. Ибо безъ множественности существъ у насъ была бы только тождественная вѣчность и никакой перспективной картины міра, точно такъ же какъ и въ пространствѣ мы не имѣли бы никакого перспективнаго вида и никакихъ границъ поля зрѣнія. Но такъ какъ само время не можетъ принадлежать самой дѣйствительности, то въ каждомъ индивидѣ должно быть и постоянное настоящее; это соотвѣтствуетъ фактамъ, ибо мы всегда и во всѣ времена находимся въ настоящемъ и про каждое время говоримъ „теперь“. Значитъ, время также вовсе не касается индивида: онъ столь же вѣченъ, какъ и вся система міра. И какъ это съ одною особою, такъ и со всѣми. Поэтому совершенно безосновательно Кантъ противопоставляетъ пространству время, какъ форму возрѣнія для внутренняго чувства. Ибо внутреннее чувство, какъ непосредственное познаніе, не знаетъ ничего о времени; только сравненіе состояній посредствомъ воображенія и разсудка даетъ это представленіе. Поэтому время есть рефлексіонная форма и, хотя бы перестать мыслить всѣ явленія, форма рефлексіи всетаки, разъ она въ насъ возникла, остается, подобно тому какъ остается представленіе о правѣ, хотя бы всѣ отношенія вокругъ насъ были бы не по праву и противозаконны. Но время и пространство отличаются отъ понятій тѣмъ, что они, какъ перспективныя картины, предполагаютъ данную точку зрѣнія; ибо стоить ее отбросить, какъ очутишься повсюду въ одинаковомъ времени и не можешь измѣрять

разстояній, такъ что время и пространство исчезаютъ. Поэтому время есть только перспективная форма возрѣнія міра для фантазіи и разсудка, и въ этомъ кругу полноправно и истинно; ибо всѣ особи должны съ частной, т. е. чувственной стороны подтверждать хронологическій порядокъ міра: вѣдь каждая особь занимаетъ свое разъ навсегда опредѣленное мѣсто въ совокупной системѣ; со стороны же непосредственнаго бытія въ каждомъ существѣ господствуетъ вѣчное настоящее, а точно также и для разума, познающаго идеальное единство міра. А такъ какъ мы чувственно-разсудочнымъ созерцаніемъ находимся въ частной области, для которой имѣетъ силу перспективная опредѣленность хронологическихъ направленій, то этимъ путемъ мы приходимъ къ иллюзіи, будто и самъ міръ, въ которомъ всѣ части въ систематичномъ порядкѣ развитія взаимно опредѣлены другъ другомъ безвременно, представляется и помимо нашей частной точки зрѣнія въ соотвѣтствующей хронологической послѣдовательности.

Разрѣшеніе кажущейся антиноміи между разумомъ и чувственностью.

Но какъ только разумъ показалъ безвременность цѣлаго, включая и насъ самихъ, мы охотно допускаемъ, что этого понятія разума мы никакъ не можемъ передать своимъ чувствамъ и фантазіи, потому что какъ разъ въ нихъ-то и коренится частичное разсмотрѣніе. Повидимому, оказывается противорѣчіе между разумомъ и чувственностью; нѣкоторые философы умышленно воспользовались имъ, чтобы доказать кажущуюся антиномію самого разума. Но самъ разумъ вполне свободенъ отъ этого противорѣчія; ибо примѣнять время къ міру, какъ цѣлому, — чисто игра фантазіи; точно также и

напрасный трудъ — желать сдѣлать наглядною для чувствъ безвременность міра. Полотно кажется подъ микроскопомъ дѣленнымъ на петли, грубой рыбачьей сѣтью, а для простаго глаза образуетъ связную поверхность безъ прорѣхъ; на разстояніи намъ кажется, что деревья сливаются; приблизившись же, мы видимъ, что они другъ отъ друга на равномъ разстояніи. Можно ли когда посредствомъ чего бы то ни было отождествить эти противоположныя съ двухъ точекъ зрѣнія картины, или можно ли хотѣть опровергнуть одну изъ нихъ другою? Развѣ онѣ не равно необходимы и вѣрны съ принятой точки зрѣнія? Поэтому также и не надо, ослѣпяясь иллюзіею явленія, переносить перспективныя правила хронологіи на природу міра, искать начала и слѣдовать безконечной прямой линіи тамъ, гдѣ разумъ требуетъ безвременности или единства и порядка, какъ въ окружности круга. Съ этою кажущейся антиноміею дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ если бы кто-нибудь въ тезѣ взялъ на окружности точку и изъ нея дедуцировалъ бы начало, конецъ, и конечную величину ея, а затѣмъ въ антитезѣ опять устранивъ эту произвольно выбранную точку, дедуцировалъ бы безначальность и безпредѣльность круга, а какъ не имѣется никакой внѣшней единицы въ качествѣ мѣрила, и — безконечность его величины. Поэтому, если кто объявитъ упраздненіе времени нелѣпостью, ибо тѣ или другія вещи зависятъ отъ его свободной воли, самъ же онъ не ходитъ въ извѣстномъ возрастѣ и еще не умеръ и т. д., то можно съ нимъ вполне согласиться, такъ какъ воля, по перспективному воззрѣнію, свободна, и для частичной точки зрѣнія время, дѣйствительно, одно только и имѣетъ значеніе; тѣмъ не менѣе для разума упраздненіе времени остается необходимымъ. Ибо точно также и съ такимъ

же вѣскимъ удареніемъ можно бы выступить и за то, что вѣдь на всякій глазъ деревья сходятся въ концѣ аллеи, что каждый предметъ вблизи больше, чѣмъ въ отдаленіи; значить, нелѣпо де отрицать, чего никто не можетъ себѣ представить иначе. Тѣмъ не менѣе все это будетъ отвергнуто всякимъ оптикомъ. Нужно какъ разъ отличать необходимо являющійся перспективный образъ отъ истины самого предмета: время есть перспективное явленіе безвременнаго мірового порядка и потому необходимо для каждой конечной точки зрѣнія. Такое пониманіе согласуется и съ христіанскимъ ученіемъ, по которому предъ лицомъ Бога тысяча лѣтъ, что одна ночь, и по которому въ Божьей книгѣ находятся уже всѣ дни и люди, какіе еще будутъ, изъ коихъ еще никто не былъ на свѣтѣ. Итакъ Божественная Премудрость взираетъ на міръ, какъ на безвременно законченный, для человѣческаго же воззрѣнія этотъ вѣчный планъ перспективно свертывается въ опредѣленной хронологіи. А Божественное созерцаніе есть истина, чловѣкъ же познаетъ ее только съ частичной точки зрѣнія (къ Коринѣ. I. 13, 12 „отъ части бо разумѣемъ.“), „якоже зеркаломъ въ гаданіи.“ Здѣсь достаточно этихъ соображеній; дедукція болѣе полная относится къ другому мѣсту.

Возвратимся къ прежнему вопросу; оказалось, что причина измѣненія не можетъ лежать въ чемъ-либо извнѣ приводящемъ, но дана въ связи самого развитія. А какъ получилось, что природа вообще сама по себѣ есть безвременное цѣлое, то отсюда слѣдуетъ, что причины измѣненій лишь повидимому, т. е. при перспективномъ разсмотрѣніи лежать въ случайныхъ предшествовавшихъ поводахъ, по правдѣ же, опредѣлены всею системой.

Остается только послѣдній вопросъ, ради котораго обсуждалось все предыдущее, именно, какъ же подробнѣе мыслить себѣ этотъ процессъ развитія. Но этотъ вопросъ мы будемъ разсматривать здѣсь чисто философски, вовсе не спускаясь на почву эмпирическаго изслѣдованія, ибо философъ не можетъ имѣть притязаній на слово въ эмпирическихъ вопросахъ; но и натуралистъ пусть не надѣется когда-либо быть въ состояннн рѣшить вопросъ объ апріорной связи понятій своими частностными изслѣдованіями.

III.

III. Развитие формъ вообще и происхождение видовъ въ частности.

различныхъ отвѣтовъ.

§ 1. Пять различныхъ попытокъ разрѣшенія.

Первый отвѣтъ — эмпедокловъ. У Эмпедокла элементы природы пробуютъ всѣ возможныя комбинаціи, такъ что міръ въ различныя времена представлялъ разнообразнѣйшія мозаичныя картины. Послѣдняя сдача случайно доставила такія формы, которыя столь согласовались въ своихъ частяхъ, что могли размножаться; такимъ образомъ нынѣшніе типы суть продукты попытокъ перестановки и сочетаній въ природѣ. Слѣдовательно, цѣлесообразность формъ будетъ случайнымъ результатомъ продолжительнаго подбора. ¹⁾

---

1) Ср. К. Е. v. Baer, Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften. - 1876. Стр. 254.

Вторая попытка принимаетъ гипотезу творенія скачками. Согласно послѣдней гипотезы, природа вовсе не нуждается ни въ какой механической связи, по которой позднѣйшее состояніе міра необходимо связано съ раннимъ, какъ со своимъ ближайшимъ условіемъ; природа создаетъ де въ нужное время тѣ типы, какіе хочетъ произвести, совершенно готовыми. Это воззрѣніе явно обращаетъ вниманіе только на готовые продукты и ничуть не заботится о способѣ ихъ происхожденія. Поэтому внезапное появленіе новыхъ типовъ остается чудеснымъ и туманнымъ; легко признать мифологичность этого воззрѣнія. Да оно никогда и не становилось на научный путь, а только относилось критически и отрицательно къ другимъ попыткамъ объясненія.

Третій способъ разрѣшенія принадлежитъ Оригену. Платонъ предложилъ его въ шутку, Оригенъ серьезно. Оба предполагаютъ общее единство матеріальнаго вещества, изъ котораго могутъ образоваться всѣ формы дѣйствительнаго міра. Различія этихъ формъ они выводятъ изъ ступеней нравственнаго совершенства, такъ что весь рядъ организмовъ представляетъ рядъ нравственнаго развитія, причемъ одна форма путемъ метаморфозы переходитъ въ другую форму, смотря по тому, какъ соотвѣтствующая душа измѣняется въ добродѣтели или пороки. У Платона, какъ сказано, это изображеніе было только поэтической, юмористической шуткою; Оригенъ же воспользовался платоновымъ воззрѣніемъ для построенія своей догматики въ серьезъ. Такъ какъ Платонъ предлагаетъ въ серьезъ совершенно другое ученіе, то и нельзя соединять его имя съ этими фантазіями. По Оригену, первоначально существуетъ міръ, въ которомъ всѣ существа суть духи, вполне соединенные съ Богомъ. Черезъ охлажденіе они

поняжаются и превращаются, проходя чрезъ ступени демоновъ, людей и животныхъ, въ самыя низшія матеріальныя облики, какъ и наоборотъ. Весь міръ несчетное число разъ разрушается и вновь возраждается; эти метаморфозы происходятъ въ различнѣйшихъ измѣненіяхъ. ¹⁾

Четвертая попытка — Платона и Аристотеля. Эти оба великіе философа вѣрили въ неизмѣнность міра, ибо были убѣждены въ томъ, что божественное основаніе міра всегда должно проводить себя въ явленіи совершенно: немислимо время, въ которое весь міръ былъ бы менѣе совершенъ, чѣмъ въ другое. Стало быть, и нынѣшніе типы жизни должны быть вѣчными и единственно возможными, кои не могутъ ни прекращаться, ни возникать когда-либо. Поэтому они начисто отрицали возникновеніе животныхъ и людей. Человѣкъ производитъ человѣка; этотъ законъ такъ называемаго синонимичнаго воспроизведенія имѣетъ значеніе не только теперь, но долженъ имѣть значеніе и для прошедшаго и для будущаго въ безконечность. Поэтому рядъ жизненныхъ формъ, хотя и представляетъ ступени лѣстницы отъ несовершеннаго къ совершенному, но не такъ, чтобы одинъ типъ происходилъ отъ другого, а вся полнота необходимыхъ для совершенства міра и возможныхъ формъ существуетъ всегда другъ съ другомъ наряду и размножается разомъ различными способами, но безъ всякаго перехода другъ въ друга. ²⁾

1) Ср. мои *Neue Studien zur Geschichte der Begriffe*, I т., стр. 247 и *Geschichte des Begriffs der Parusie*, стр. 94.

2) Ср. мои *Studien zur Geschichte der Begriffe*, стр. 155, 350, 604, 177 и слѣд.

Такъ какъ это пониманіе рѣшительно неисторично и, кромѣ того, допускаетъ продолженіе по прямой линіи въ безконечность, что невыносимо для разума, то и не могло быть недостатка въ попыткахъ, съ одной стороны, найти первое начало жизни, съ другой стороны, какъ-нибудь вывести одну форму изъ другой. Поводомъ къ тому послужила частью остроумная игра Платона пифагорейскимъ ученіемъ о метаморфозахъ, частью, мозаичная игра въ кости со стороны природы, согласно Эмпедоклу и Демокриту, частью, непоследовательности, кои неизбѣжно заключались въ ученіи Платона и Аристотеля. Ибо въ это ученіе необходимо входила, по крайней мѣрѣ, хоть одна метаморфоза, именно, данная половымъ различіемъ. Вѣдь какъ не мужчина родить мужчину, и не женщина женщину, но оба вмѣстѣ обоихъ, спрашивалось, почему же возникаетъ одинъ разъ мужчина, а другой женщина. Аристотель разрѣшилъ это случайнымъ различіемъ жизненныхъ условій при зародженіи. При несовершенныхъ жизненныхъ условіяхъ плода не можетъ совершенно развиться единый и одинаковый человѣческій типъ; вотъ и происходитъ несовершенный мужчина, т. е. женщина. Такимъ образомъ показывалось, что весьма различныя по внѣшности жизненныя формы обоихъ половъ могутъ быть выведены изъ одного и того же видоваго типа; этою непоследовательностью въ системѣ ставилась для изслѣдованія задача, не могли ли произойти такимъ же образомъ другъ отъ друга различныя виды.

Пятая попытка это — а н а к с и м а н д р о - д а р в и н о в а. Я полагаю, что мы должны связать имя новѣйшаго великаго изслѣдователя, сдѣлавшаго эту теорію жгучимъ вопросомъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и благодаря

удивительнымъ познаніямъ, проведеннаго ее на громадномъ матеріалѣ, съ именемъ перваго философа, заслужившаго выдающееся мѣсто въ исторіи науки своими астрономическими, метеорологическими и физическими умозрѣніями, и притомъ впервые разпознаваемаго важнѣйшія точки зрѣнія, которыми слѣдовалъ и Дарвинъ. Правда, свѣдѣнія Анаксимандра были весьма скудны; навѣрное, онъ и не пытался провести свою основную мысль хотя бы въ области своихъ зоологическихъ познаній; тѣмъ не менѣе его объясненіе происхожденія человѣка и животныхъ столь естественно и вѣроятно, что оно теперь болѣе, чѣмъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ, опять возобновлено въ большемъ размѣрѣ гениальнымъ естествоислѣдователемъ. Я излагалъ уже ходъ мыслей Анаксимандра и напому здѣсь только результаты. Анаксимандръ полагалъ, что люди и животныя рождались отъ производителей, принадлежавшихъ другому роду; ибо зародышъ не могъ бы взрасти безъ родителей и питанія. Поэтому онъ допускалъ, что земныя животныя произошли изъ воды, гдѣ они живутъ сперва совершенно въ другомъ обликѣ, вродѣ рыбъ, а когда выростутъ, то превращаются, оставляя свой личинковый покровъ, и продолжаютъ жить долѣе на землѣ, приспособляясь къ новымъ условіямъ.

Отъ этихъ еще дѣтски незрѣлыхъ мыслей Анаксимандра Дарвинъ отличается не только громаднымъ богатствомъ своихъ познаній, прилежаніемъ въ наблюденіяхъ и научномъ трудѣ, но и точно установленной теоріею. Дарвинъ исходитъ изъ основательнаго допущенія, что любой организмъ, отъ перваго и до послѣдняго, измѣнивъ. А всякое измѣненіе происходитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Значить, случай составляетъ принципъ

теоріи.¹⁾ Измѣненный организмъ или гибнетъ въ столкновеніи съ прочими силами природы, или приспосабливается къ нимъ и тѣмъ сохраняетъ себя. Затѣмъ Дарвинъ указываетъ, что существуютъ причины, укрѣпляющія начавшіяся измѣненія. Итакъ количество играетъ здѣсь вторую рѣшающую роль. Благодаря же этому увеличивающемуся приросту измѣненій одна форма становится несходною съ другою.²⁾ Только здѣсь необходимъ еще третій принципъ для обоснованія всей теоріи на простѣйшихъ положеніяхъ. А именно:

1) Charles Darwin, the origine of species, изд. 1872, стр. 106. — „Я доселѣ говорилъ подчасъ такъ, какъ будто измѣненія обязаны случаяю. Правда, это употребительное, но совершенно неправильное выраженіе: оно служитъ для простаго признанія нашего невѣдѣнія причины подобаго частичнаго измѣненія. По нѣкоторымъ авторамъ, функціею воспроизводительной системы бываетъ столько же производить индивидуальныя различія или слабыя уклоненія въ строеніи, какъ и дѣлать дѣтей схожими съ родителями. Но фактъ измѣненій и уродливостей, чаще встрѣчающихся у домашнихъ животныхъ, чѣмъ въ природѣ, и большая измѣчивость видовъ, занимающихъ широкое пространство, чѣмъ видовъ съ ограниченнымъ пространствомъ, приводитъ къ заключенію, что измѣчивость надо вообще отнести на счетъ условій жизни, въ какихъ находился всякій видъ въ продолженіи многихъ послѣдовательныхъ поколѣній.“ Итакъ Дарвинъ, правда, признаетъ наше невѣдѣніе касательно причинъ измѣненій, но всетаки въ цѣломъ сводитъ измѣненіе къ двумъ причинамъ, которыя мы можемъ обозначить, какъ случай; во первыхъ, къ слѣпому стремленію къ измѣненію, обязанному причинамъ, коихъ мы совсѣмъ не знаемъ, и во вторыхъ, къ условіямъ жизни. Хотя выраженіе „стремленіе къ цѣли“ есть телеологическій терминъ, и сочиненія Дарвина полны такими воззрѣніями, всетаки его теорія не выработала подобаго направленія, но вполне склоняется къ объясненію всѣхъ измѣненій случайными внѣшними обстоятельствами, такъ что, по справедливости, нельзя обращать вниманія на эту неумышленно приписанную телеологію, но должно случай поставить принципомъ дарвиновой теоріи.

2) Ibid. p. 108. Причина этого количественнаго увеличенія заключается частью въ борьбѣ формъ въ борьбѣ за существованіе, частью въ употребленіи или неупотребленіи частей. „Изъ фактовъ, приведенныхъ

произошедшее измѣненіе не должно погибать съ отдѣльнымъ измѣнившимся недѣлимымъ, но сохраняться : это достигается при размноженіи унаслѣдованіемъ жизненной формы, ставшей несхожею. Наслѣдственность есть этотъ третій принципъ, увѣнчивающій зданіе ; ибо все позднѣйшее есть только повторное примѣненіе этихъ трехъ принциповъ. Такимъ образомъ, каждый новый типъ будетъ опять случайно измѣняться, а каждое измѣненіе возрастать со стороны количества несходства ; каждое возникшее несходство фиксируется, если это требуется, путемъ наследственности. Такъ у насъ получается возможность объяснить другъ изъ

въ I главѣ, я полагаю, несомнѣнно слѣдуетъ, что употребленіе укрѣпило и расширило въ нашихъ домашнихъ животныхъ нѣкоторыя части, а неупотребленіе умалило таковыя, и подобныя видоизмѣненія были унаслѣдованы.“ Дарвинъ пытается этотъ законъ, яснѣе познаваемый на домашнихъ животныхъ, расширить и на всю природу. Но обѣ эти причины увеличенія количества можно свести на первый принципъ, т. е. на измѣненія ; измѣненія частей вслѣдствіе употребленія или неупотребленія ихъ зависятъ вѣдь отъ случайныхъ внѣшнихъ причинъ, напр., отъ условій прирученія. Но условія, создаваемые человекомъ, принципиально не разнятся отъ защиты, доставляемой природою при различномъ климатѣ, почвѣ и прочихъ условіяхъ. Во вторыхъ, подборъ или отборъ менѣе одаренныхъ индивидовъ и сохраненіе лучше одаренныхъ приводитъ обратно къ тому же принципѣ, ибо это опять тѣ же самыя случайныя внѣшнія обстоятельства, уничтожающія извѣстное качество недѣлимыхъ, и сохраняющія другое болѣе полезное, т. е. болѣе приспособленное къ случайнымъ обстоятельствамъ. По этой теоріи, значить, увеличивающееся измѣненіе, какъ и измѣненіе вообще, опирается на случай, т. е. на извнѣ дѣйствующія причины, не стоящія ни въ какой принципиальной координаціи съ организмами. Ибо приводимое еще Дарвиномъ „стремленіе къ видоизмѣненію“ мы не можемъ, какъ сказано, разсматривать, по справедливости, за телеологическій принципъ, хотя авторъ, какъ глубокомысленный человекъ, не проглядѣлъ этого важнаго фактора, но, какъ основатель односторонней теоріи подбора, не могъ пустить въ дѣло и потому приводитъ его въ такой неопредѣленности, что онъ въ качествѣ внутренняго случая стѣбитъ тѣхъ внѣшнихъ случайностей.

друга всѣхъ животныхъ и растенія; по первому принципу, случаю, мы можемъ заставитьъ измѣняться то ту, то другую часть организма и, такимъ образомъ, господствовать надо всѣми возможными измѣненіями; по второму принципу, предположимъ ли мы быстрый ходъ, или медленное нарастаніе количества въ теченіе миллионовъ лѣтъ, мы постоянно получаемъ, частью, увеличивающееся несходство, вслѣдствіе котораго одно животное выходитъ изъ видоваго типа другихъ, частью, подборъ формъ, ибо не всѣ формы могутъ уцѣлѣть въ борьбѣ съ прочими силами природы, и потому выживаетъ только приспособившійся къ условіямъ остатокъ. Третьимъ принципомъ мы фиксируемъ новые типы и подготавливаемъ продолженіе того же процесса.

Въ мои намѣренія не входитъ перечислить здѣсь рядъ многихъ значительныхъ натуралистовъ, высказавшихся и за, и противъ этой теоріи; ибо всѣ ихъ аргументы стоятъ на почвѣ эмпирической науки. Мы здѣсь философствуемъ и должны держаться исключительно въ области понятій; поэтому я ничего не сообщилъ о богатыхъ наблюденіяхъ Дарвина изъ жизни растеній и животныхъ. Наше изслѣдованіе не должно быть ни зоологическимъ, ни ботаническимъ, но исключительно философскимъ изысканіемъ принциповъ. Но такъ какъ всякое эмпирическое изслѣдованіе предполагаетъ извѣстные вполнѣ всеобщіе принципы, то такое философское разсмотрѣніе не можетъ быть безразличнымъ и для натуралиста, ибо оно рѣшаетъ о возможности или невозможности такихъ толкованій и объясненій, которыя, согласно своимъ принципамъ, онъ прилагаетъ къ наблюдаемымъ фактамъ. Факты сами по себѣ отнюдь еще не образуютъ науки: она дается только объясненіемъ фактовъ по принципамъ.

§ 2. Критика

Надобно вкратцѣ подвергнуть критикѣ эти этихъ попытокъ различныя попытки объяснить происхождение разрѣшенія. типовъ или формъ въ мірѣ. Эмпедоклово рѣшеніе посредствомъ случайнаго мозаичнаго образованія достаточно нелѣпо, что при обобщеніи немедленно выяснится; ибо философское разсмотрѣніе всегда требуетъ признанія принципа въ его наибольшей общности. Но такъ какъ и духовная жизнь обнаруживаетъ формы, каковы наши чело-вѣческія искусства, добродѣтели, науки, и какъ даже всякое разумное рѣшеніе въ частности есть жизненная форма природы, то все это также должно бы быть случайною мозаичной картиной. Слѣдовательно, какъ это во всѣхъ случайныхъ мозаичныхъ картинахъ, здѣсь не будетъ никакого единства, проникающаго всѣ части, связывающаго и внутренне опредѣляющаго ихъ. Но это противорѣчитъ всяческому опыту: во всѣхъ понятіяхъ, искусствахъ и рѣшеніяхъ у личности и во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ вообще мы видимъ вразумительное внутреннее единство цѣлаго. То же самое оказы-вается и въ органической природѣ, гдѣ хотя и нельзя ощу-тить разумной думы, но части имѣютъ внутреннее система-тичное отношеніе къ цѣлому; поэтому формы могутъ быть пошимаемы только по аналогіи съ такими духовными жизнен-ными формами. О невѣроятности случайности формъ, ср. также соображенія, изложенныя выше (на стр. 18). Но теорія Эмпедокла потому такъ интересна и достойна вни-манія, что принципъ, которымъ и нынѣ втихомолку точно также пользуются величественныя и богатыя познаніями теоріи, а именно случай, она ставитъ во главу съ откровен-нѣйшею ясностью, можно сказать, безстыдно. Поэтому Эмпе-доклъ со своей нелѣпою гипотезой долженъ служить пуга-ломъ для тѣхъ, кто пытается втайнѣ полакомиться

принципомъ случая, выставляя разумное и внутреннее единство формы вѣшнимъ приспособленіемъ элементовъ, вслѣдствіе чего цѣлесообразность организма является, какъ и у Эмпедокла, случайнымъ результатомъ подбора.

Съ теорією творенія скачками мы можемъ легко раздѣлаться, ибо она насквозь миеологична и отрывается отъ естественныхъ причинъ.

Точно также и попытка Оригена есть только продуктъ романтическаго періода человѣческой культуры. Глубокомысленная острота Платона была перетолкована Оригеномъ въ фантастичную метаморфозу жизненныхъ формъ; въ нее повѣрили, какъ въ историческую и естественно-историческую истину.

Ученіе Платона и Аристотеля о вѣчности и неизмѣняемости типовъ должно было мощно сковывать науку, ибо оно, повидимому, вполне соответствовало опыту: все живое происходитъ изъ сѣмени, а послѣднее опять отъ взрослой особи того же вида. Но большій опытъ, представленный геологією, вполне устранилъ эту теорію; теперь въ ней можно видѣть только интересный привалъ по пути науки. Ибо мы ясно видимъ нынѣ, что всѣ современные типы нѣкогда не существовали: все живущее, такимъ образомъ, имѣло начало и, значить, органическое должно исходить изъ неорганическаго.

Итакъ остается одна теорія Дарвина съ пополновеніемъ быть самоновѣйшимъ научнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ задачъ и съ историческимъ воспоминаніемъ, что еще и Несторъ науки въ Іоніи съ непредвзятымъ сужденіемъ нѣкогда избралъ ту же дорогу.

Критика

дарвинизма.

Напомнимъ себѣ сперва его принципы.

Ихъ три. Первый это — случай, вызывающій измѣненіе. Второй имѣетъ двѣ стороны; положительно — онъ

означаетъ количество, т. е. увеличеніе измѣненій до несходства, отрицательно — приспособленіе къ прочимъ силамъ природы, дабы измѣненная форма могла оказаться избранною въ борьбѣ за существованіе и не погибнуть (подборъ). Третій принципъ — наследственность или фиксація типа въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Эта теорія, глубокомысленно проведенная на поразительномъ матеріалѣ, на первый взглядъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ предыдущими. Но вникнувъ поглубже и рассмотрѣвъ принципы, мы тотчасъ увидимъ, что въ дарвинизмѣ нѣтъ иного принципа, кромѣ выставленнаго Эмпедокломъ. Ибо органическія формы не имѣютъ де въ себѣ единствомъ никакого производящаго и организующаго закона, но просто образованы случаемъ, слѣбною встрѣчею силъ природы. Итакъ, это — не что иное, какъ эмпедокловы случайныя мозаичныя картины природныхъ элементовъ. Поэтому дарвинизмъ въ принципѣ ничѣмъ не отличается отъ эмпедоклизма; но за то въ выводахъ и проведеніи разница настолько громадна, что исчезаетъ всякое сходство, ибо грубое столкновеніе элементовъ у Эмпедокла замѣнено здѣсь тонкимъ примѣненіемъ всѣхъ законовъ природы: подборъ формъ и условія наследственности изучены здѣсь столь точно и удивительно, — столь логично и съ такимъ запасомъ знаній выведены предѣлы для новообразованія типовъ, согласно всѣмъ анатомическимъ законамъ организма, что казалось бы величайшей несправедливостью осмѣлиться хотя бы даже сопоставить Эмпедокла и Дарвина. Къ тому же въ особенности Эмпедоклъ ничего не зналъ о теоріи развитія, которая еще у Анаксимаандра была основною мыслію и, которая, по Дарвину, повидимому, прямо устраняетъ столь странную и

нелѣпую въ гипотезѣ Эмпедокла случайность игры въ природѣ, причѣмъ тѣмъ самымъ вводится нѣкоторая необходимость развитія отъ простаго къ сложнѣйшему. Даже подборъ типовъ какъ будто уже не случаенъ болѣе, но происходитъ по необходимости изъ борьбы разъ данныхъ силъ природы на нашей планетѣ, такъ что, если бы только обладать познаніями и быть достаточно проницательнымъ, то можно бы даже а priori высчитать рядъ типовъ по теоріи Дарвина. Итакъ, повидимому, о случаѣ не можетъ быть болѣе и рѣчи тамъ, гдѣ, если только предположить идеальную разумность, можно бы даже построить по законамъ цѣлую цѣпь развитія всѣхъ происходящихъ другъ ото друга типовъ.

При испытаніи этой теоріи опять-таки должно помнить, что для насъ дѣло не въ томъ, чтобы провѣрять отдѣльныя наблюденія надъ растеніями и животными и перевычислять заключенія, выведенныя дарвинистами на основаніи даннаго матеріала по отношенію къ болѣе общимъ принципамъ. Это скорѣе дѣло натуралистовъ, а въ ихъ область мы не желаемъ вступать по этому вопросу. Мы изслѣдуемъ только самые принципы, на сочетаніи которыхъ основывается теорія, подобно тому, какъ если бы математикъ въ физическомъ ученіи о быстротѣ свѣта не сталъ принимать въ расчетъ спутниковъ Юпитера и положенія земли на ея пути, или по другой методѣ, конструкціи зеркаль, и ихъ расположенія, и употребляемыхъ для доказательства обстоятельствъ, но провѣрять только вычисленія: нѣтъ ли тамъ ошибки противъ законовъ ариѳметики. Такимъ же образомъ и мы, оставляя въ сторонѣ весь естественно-историческій матеріалъ, изслѣдуемъ только общія предположенія теоріи. При этомъ мы станемъ строго держаться философской области, не вторгаясь въ зоологію

или ботанику, подобно тому, какъ упомянутый математикъ держится въ области математики, не вмѣшиваясь ни въ астрономію, ни въ физику.

1. Безосновательное ограниченіе точки зрѣнія. Первое, что бросается въ глаза, это — ограниченіе вопроса органическими типами. Мы должны требовать, чтобы теорія распространялась на всѣ формы природы, т. е. обнимала и формы химическихъ и физическихъ явленій. Мы желаемъ, чтобы изъ дарвиновой теоріи одинаково были объяснены по физическимъ законамъ способъ происхожденія бѣлка, жировъ и всѣхъ типовъ органической химіи, какъ и типы неорганической химіи, далѣе формы кристалловъ, а также и самыя общія формы явленій природы; ибо, и по Дарвину, нѣтъ никакой принципиальной разницы между одушевленной и неодушевленной природою. Но если это требованіе отклонить, то мы спрашиваемъ тому достаточнаго основанія. Основанія же для ограниченія воззрѣнія только органическими типами до сихъ поръ не было представлено, и потому теорія не избѣгаетъ упрека въ томъ, что она не по принципу ограничила себя въ своей области. Ибо хотя избраніе той или другой группы предметовъ для научнаго изученія и подлежитъ произволу, но какъ только подняться отъ единичнаго предмета ко всеобщимъ принципамъ и къ общей теоріи, этотъ произволь перестаетъ быть законнымъ: нужно доказать, привести основанія, почему найденная общая теорія простирается только на малую часть своей области, а для прочей остающейся гораздо большей части не имѣетъ значенія. Вода, напр., является въ различныхъ формахъ, которыя достаточно точно опредѣлены и все-таки могутъ переходить одна въ другую; такъ мы имѣемъ типы капельно-жидкой воды, пара, состоящаго изъ тонкихъ,

маленькихъ пузырьковъ, снѣга, града и льду. Какъ при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ всегда обнаруживается изъ всѣхъ перечисленныхъ только одинъ опредѣленный типъ, точно такъ же изъ близко родственныхъ между собою видовъ какого-нибудь рода животныхъ вслѣдствіе питанія, климата и прочихъ жизненныхъ условій появляется всегда одинъ только (тотъ или другой) типъ; а прочіе типы являются въ иныхъ мѣстахъ при другихъ условіяхъ, или попадались лишь въ прежніе геологическіе періоды. Слѣдовательно, нужно бы показать, почему для такъ называемыхъ организмовъ дарвинизмъ имѣетъ значеніе, а для формъ воды, металловъ, солей и всѣхъ прочихъ формъ природы — никакого. Но это весьма трудно или скорѣе совершенно невозможно доказать, ибо у такъ называемыхъ жизненныхъ явленій нѣтъ никакой опредѣленной границы, и ни Дарвинъ, ни другой кто не нашеть, да и не можетъ найти для живыхъ существъ иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые приложимы вообще ко всей природѣ. Всѣ явленія природы вообще могутъ различаться только по родамъ встрѣчающихся элементовъ, по ступенямъ развитія и синтезъ; абсолютная же граница между одушевленной и неодушевленной природою существуетъ только въ воображеніи и не можетъ быть доказана научно.

2. Въ дарвинизмѣ рѣшающее понятіе индивидуальнаго существа не объясняется, но предполагается въ противорѣчій съ теоріею. Это соображеніе указываетъ уже, что теорія Дарвина сильна въ единичныхъ остроумныхъ наблюденіяхъ, но обнаруживаетъ недостатокъ философскаго сознанія объ основаніи всего научнаго построенія; но окажется еще большій недостатокъ его, если взглянуть въ принципы, пошедшіе въ дѣло при созиданіи теоріи. Именно, не достаетъ сколько-нибудь состоятельнаго

представленія о типѣ и особи. Для того, чтобы построить единичное существо съ его видовымъ типомъ, Дарвинъ употребляетъ однѣ только внѣшнія причины и одну лишь точку зрѣнія количества. Онъ допускаетъ случайность внѣшнихъ условій выступать строительницею, которая къ данному уже существу одно прибавляетъ, другое отнимаетъ¹⁾, совершенно подобно тому, какъ скульпторъ на кусокъ глины здѣсь набавляетъ, тамъ убавляетъ до тѣхъ поръ, пока не готова будетъ фигура мужчины, или женщины. Но фигура изъ глины вовсе не имѣетъ внутренняго единства и жизни: ея части не стоятъ ни въ какомъ существенномъ отношеніи къ цѣлому, и только извнѣ стоящимъ зрителемъ охватываются въ единство образа. А какъ растенія и животныя — не такія фигуры, которыя лишь извнѣ являются единымъ, но сами обладаютъ внутреннимъ жизненнымъ процессомъ, благодаря которому функціи всѣхъ частей относятся къ совокупной функціи и единству, то оказывается, что Дарвинъ совсѣмъ не объяснилъ настоящей сути недѣлимаго, т. е. его единства, и самое лучшее и важнѣйшее въ вещи принялъ за данное. Такая ошибка обычна у спеціалистовъ, привимающихъ въ расчетъ не цѣлое, а тѣ лишь отдѣльныя стороны предмета, которыми они сами занимаются. Напр., шлифовальщикъ стекла скажетъ въ точности, какія формы — лучшія, и какой способъ преимущественно примѣнять при треніи, обтачиваніи и полировкѣ, но всегда пред-

---

1) Напр., см. „Происхожденіе видовъ“, стр. 110 (анг. изд.). „Глаза у кротовъ и у нѣкоторыхъ норковыхъ остаются въ зачаточномъ состояніи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совершенно прикрыты кожицею и мѣхомъ. Такое положеніе глазъ, вѣроятно, происходитъ изъ постепеннаго сокращенія отъ ихъ неупотребленія, чему поспѣшествовалъ, можетъ быть, естественный подборъ.“

полагаетъ само собой повѣстнымъ, что ему доставляется для того сырой продуктъ, стекло, а послѣднее обладаетъ нужными качествами для лучепреломленія. Подобнымъ же образомъ дарвинисты предполагаютъ даннымъ главное, именно само живое индивидуальное существо, реагирующее опредѣленнымъ образомъ на внѣшнія воздѣйствія, ассимилирующее всѣ доставляемые вещества, и усваивающее ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ въ единство жизненныхъ функций.

Но если кто думаетъ, что это — упрекъ незначительный, ибо только предположеніе чего-либо ложнаго ошибочно, но не предположеніе чего-либо вѣрнаго, а дарвинизмъ де предполагаетъ здѣсь нѣчто вѣрное и истинное, тотъ совершенно упускаетъ изъ виду, что дѣло идетъ о теоріи, которая не смѣетъ предполагать ничего, что само по себѣ, правда, истинно, но стоитъ въ противорѣчій со всею теоріей. Шлифовальщикъ, конечно, безъ ущерба для своего искусства можетъ предполагать стекло лучепреломляющимъ, но дарвинистъ, желающій объяснить всѣ формы природы изъ случайно извнѣ дѣйствующихъ силъ, не смѣетъ предполагать живыхъ, изнутри цѣлесообразно организованныхъ единствъ. Если хоботъ какого-нибудь животнаго удлиняется потому де, что пищу легче добывать болѣе длиннымъ хоботомъ, и такимъ образомъ, особи съ хоботомъ покорооче гибнутъ, между тѣмъ какъ длиннохоботныя преуспѣваютъ, то стремленіе къ пищѣ есть, вообще, внутренняя цѣлесообразно дѣйствующая причина для сохраненія индивида. Ее предполагаютъ правильно, но это предположеніе противорѣчитъ теоріи, ибо оно можетъ быть объяснено не изъ внѣшнихъ причинъ, а только изъ внутренней живой цѣлесообразности организма. Значитъ, не всякому дозволяется дѣлать вѣрныя предположенія, а тому только, чья

теорія не стоить съ ними въ противорѣчіи. Но кто предполагаетъ организмъ, т. е. систему орудій, въ цѣлесообразной координаціи служащихъ произведенію единой совокупной функціи, тотъ уже разорвалъ съ дарвинизмомъ; ибо если допускать возможность и наличность такихъ органическихъ принциповъ въ природѣ, то нѣтъ болѣе нужды во всемъ аппаратѣ случайныхъ внѣшнихъ вліяній: при предположеніи такого принципа можно объяснять явленія измѣненія типовъ гораздо проще и послѣдовательнѣе.

Если же отказаться отъ внутренняго организующаго единства, соразмѣряющагося съ извнѣ дѣющими силами природы, ибо оно содержитъ въ себѣ принципъ, противорѣчащій дарвиновымъ принципамъ, то весь дарвинизмъ рушится; тогда вѣдь вообще утрачивается понятіе индивидуальнаго существа и противоположность между внутреннимъ и внѣшнимъ. Тѣло, какъ-нибудь сложенное только изъ пришедшихъ извнѣ элементовъ, при счастливой встрѣчѣ частей можетъ держаться нѣкоторое время и производить призракъ цѣлаго; но оно — не цѣлое и не единство; ибо понятіе цѣлаго требуетъ соотношенія всѣхъ частей къ единству. Это соотношеніе есть нутрь тѣла, свойственный ему жизненный законъ или его типъ. Если откинуть этотъ принципъ, то останется просто куча, въ которой всѣ части относятся другъ къ другу чисто внѣшнимъ образомъ, такъ что вообще все на немъ и въ немъ — внѣшнее. Въ живомъ тѣлѣ, напр., внѣшній воздухъ и пища тотчасъ ассимилируются по внутреннему жизненному закону и отсылаются къ соотвѣтствующимъ частямъ, гдѣ они производятъ соотвѣтственную частную работу для достиженія совокупной функціи. Цѣлое образуетъ единство и эту внутреннюю типичную связью противопоставляетъ себя

внѣшнимъ элементамъ. Наоборотъ, трупъ содержитъ тѣ же самыя составныя части, но по выдѣленіи внутренней связи; поэтому онъ уже не единство и не цѣлое: всѣ части относятся другъ къ другу только внѣшнимъ образомъ и потому въ скоромъ времени распадаются, ибо онѣ болѣе не производятъ никакой общей функціи. Отсюда ясно, что дарвинизмъ либо сознательно долженъ предположить принципъ, цѣлесообразно организующій и образующій единство жизни (и въ этомъ случаѣ дарвинизмъ отказывается отъ своихъ основаній), или съ отрицаніемъ подобнаго принципа долженъ попытаться свой принципъ измѣненія, накопленія и подбора отличій и законъ наслѣдственности провести и на трупaxъ, или на любомъ скопленіи элементовъ, что, разумѣется, невозможно; да того глубоко-мысленный умъ этого замѣчательнаго мужа никогда и не могъ желать. Значить, указанная ошибка такого рода, что ею принципиально уничтожается вся теорія.

3. Выводъ новыхъ типовъ противенъ природѣ вещей. Я укажу теперь и третью ошибку. Если бы по нуждѣ и признать противорѣчіе принциповъ и непоследовательность всей теоріи, но всетаки стоять за дарвиновы принципы, такъ какъ де при предположеніи органическихъ единствъ дарвинизмъ можетъ, по крайней мѣрѣ, объяснить возможность измѣненій типа и происхожденіе новыхъ типовъ, то этимъ высказывалось бы совершенное непониманіе сущности типа. А именно: признавая внѣшнія воздѣйствія единственно вліятельными при измѣненіи облика, дарвинисты могутъ всегда допускать измѣненіе одной лишь задѣтой части, между тѣмъ какъ не задѣтыя части естественно функціонируютъ далѣе по прежде дѣйствовавшимъ законамъ жизни. Этимъ де производятся малыя несходства, которыя обнаруживаются между

различными видами одного рода; дарвинисты и сводят виды другъ на друга. Но типъ есть система координатъ: какъ абсцисса не можетъ увеличиваться безъ того, чтобы тотчасъ не измѣнилась ордината, соотвѣтственно данной функціи, точно такъ же ни въ одной части невозможно примѣтное измѣненіе безъ того, чтобы и другія части не перемѣнялись координующимъ образомъ послѣ такого измѣненія; или же уничтожится и самая функція цѣлаго. Если, напр., увеличился просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ, то и насасывающая сила сердца должна также прирости; слѣдовательно, и сердечные мускулы и нервы должны усилиться; также должны укрѣпиться и стѣнки сосудовъ; а это вызвало бы бѣльшія требованія и къ желудку и ко всей пищеварительной системѣ; такимъ образомъ, измѣненіе распространилось бы и на кости, и на мозгъ и т. д. Если не удовлетворить этимъ требованіямъ органической системы, возникнутъ болѣзни, разрывы сосудовъ, кровотеченія, застой въ венахъ, тромбозъ и т. д., и наконецъ смерть. Итакъ, ясно, что въ органической системѣ координатъ для метода Дарвина нѣтъ мѣста; ибо хотя и остается нѣкоторый свободный просторъ условій для нормальной органической жизни, но именно эти то возможные и дозволенные измѣненія не производятъ никакихъ перемѣнъ типа и потому бесплодны для теоріи Дарвина; недозволенные же или влекутъ за собой полную внутреннюю революцію и эволюцію и потому бесполезны для дарвинизма, такъ какъ послѣдній хочетъ вывести различія формъ не изнутри, а извнѣ, или причиняютъ особи болѣзнь и смерть.¹⁾

1) Конечно, Дарвинъ при своихъ наблюденіяхъ не могъ не наткнуться на эту координацію въ органической системѣ: но такъ какъ его теорія желаетъ вывести формы извнѣ, то ему приходилось пытаться осла-

Заслуга Дар-
вина.

Итакъ, если обсуждать дарвинизмъ только по его принципамъ, то пришлось бы указать на неполноту точки зрѣнія, подтасовку рѣшающаго внутренняго основанія, на непослѣдовательность и противорѣчіе въ его принципахъ, непониманіе важнѣйшихъ свойствъ природы; надо бы признать его въ качествѣ научной теоріи пропавшимъ. Но этимъ мы ничуть не хотимъ оспаривать заслугъ великаго натуралиста, ибо для науки и мощныя заблужденія, вызывая своею односторонней правдою пополнительныя точки зрѣнія, могутъ быть полезны.

бить значеніе этого рѣшающаго внутренняго основанія. Онъ обсуждаетъ этотъ вопросъ подъ заглавіемъ: „Соотвѣтственное измѣненіе“ въ „Происхожденіи видовъ“ (стр. 114), даже отдаленно не признавая понятія координаціи во всякой системѣ. Что онъ не понимаетъ принципа этого явленія, онъ откровенно высказываетъ: „это — очень важная вещь, понимаемая очень несовершенно“. Онъ пытается потомъ овладѣть корреляціею измѣненій, въ которой встрѣчается ему цѣлестремительность организма, помощью подбора и наследственности (стр. 115): „эти стремленія, безъ сомнѣнія, управляются, по большей части, или и вполне естественнымъ подборомъ“. А на стр. 116 онъ по возможности старается совсѣмъ устранить корреляцію, ибо она принципиально противорѣчитъ его теоріи: „Мы часто ложно приписываемъ соотвѣтственному измѣненію строенія, которыя, по правдѣ, будучи общи цѣлымъ группамъ видовъ, просто происходятъ отъ наследственности; ибо одинъ изъ прародичей могъ приобрѣсть черезъ естественный подборъ нѣкоторое измѣненіе въ строеніи, и чрезъ тысячи поколѣній другой — другое и независящее отъ перваго измѣненіе. Эти два измѣненія, будучи перенесены на цѣлую группу потомковъ съ различными свойствами, естественно, будутъ считаться соотвѣтственными въ непремѣнномъ порядкѣ“. Такъ Дарвину необходимы тысячи поколѣній, чтобы объяснить отдѣльный случай корреляціи частей. Но и билліоновъ поколѣній не было бы достаточно, чтобы вывести всю богатую систему координированныхъ функций въ каждомъ организмѣ, которую онъ безпечно предполагаетъ данною. Дарвинъ именно уклонился отъ философскаго изслѣдованія принциповъ теоріи; иначе онъ не сталъ бы „комаровъ процѣживать и глотать верблюдовъ“, ибо нечего ему объяснять тѣхъ корреляцій, пока онъ не раздѣляется со всеобщюю координаціею въ органической жизни.

Заслуга Дарвина заключается частью въ спеціальныхъ изысканіяхъ, въ которыхъ привнесено было къ соображенію множество новыхъ воззрѣній, частью же въ энергичной постановкѣ вѣрнаго требованія объяснить рядъ природныхъ формъ посредствомъ теоріи развитія. Ибо ясно обнаружилось, что, вообще, вплоть до его попытки все еще было въ силѣ старое платоно-аристотелево пониманіе типовъ. Даже самые значительные натуралисты не смѣливались разорвать цѣпи *omne vivum ex ovo*, и охотнѣе отказывались вообще размышлять о первой причинѣ различныхъ видовыхъ формъ, чѣмъ отрицать основное положеніе, руководившее ихъ спеціальными изслѣдованіями. Потому дарвинизмъ и произвелъ столь значительное дѣйствіе, такъ что и со стороны естественныхъ наукъ было признано удобное недомысліе относительно происхожденія видовъ долѣе недопустимымъ: сознали необходимость серьезныхъ попытокъ разрѣшить проблему. А то, что весьма многіе, для которыхъ черезчуръ трудно было философское изслѣдованіе принциповъ, тотчасъ вновь успокоились на рѣшеніи Дарвина, никого не должно удивлять. На философахъ же лежитъ долгъ изслѣдовать эту новую теорію, выработавшуюся при новыхъ частичныхъ изысканіяхъ въ качествѣ слѣдствія и раздутую до всеобщихъ принциповъ. Это было сдѣлано въ предыдущей краткой критикѣ; намъ остается только опредѣлить, что можно внести въ разрѣшеніе вопроса со стороны философіи.

§ 3. Постулаты философіи. Прежде всего надобно припомнить результаты предшествовавшихъ изслѣдованій.

1. Мы видѣли, что дѣйствительный міръ должно расчленивать въ чистыя единства, коихъ взаимовозвратнымъ дѣйствіемъ и испытываніемъ объясняются всѣ явленія. Итакъ,

нужно признать въ этихъ принципахъ нѣкую нутрь, аналогично состояніямъ души, единственнаго прямо извѣстнаго намъ элементарнаго принципа.

2. Явленія природы суть формы общенія принциповъ и происходятъ по законамъ, даннымъ а priori внутри принциповъ или атомовъ.

3. Типы точно также — законы, кои отъ логическихъ, физическихъ и химическихъ законовъ отличаются только степенями синтеза, т. е. типъ животнаго относится къ закону кристаллизаціи или закону паденія такъ, какъ законъ трагедіи къ закону симметріи, или же какъ Пифагорова теорема къ закону смежныхъ угловъ.

4. Число типовъ ограничено; они необходимо требуютъ отношеній къ предыдущимъ и послѣдующимъ типамъ по общимъ законамъ координаціи.

5. Теченіе времени вовсе не касается реальной связи всѣхъ явленій; но есть только перспективный образъ міра съ даннаго пункта.

Послѣ этихъ напоминаній мы можемъ попытаться выяснитъ постулаты философіи касательно видовыхъ формъ природы и ихъ послѣдовательностей.

Возникновеніе
типа требуетъ и
внутреннеѣ и
внѣшней причины.

Что видовыя формы не могутъ выпрыгивать скачками, мы уже видѣли; ибо типы суть сложныя системы законовъ, а дѣйствіе каждаго закона должно быть вызвано поводомъ. Подобно тому, какъ лѣтомъ дождь не превращается въ снѣгъ, хотя соотвѣтственный законъ всегда въ силѣ, такъ и ни одинъ животный типъ не можетъ выступить скачкомъ безъ повода.

Но видовыя формы не могутъ быть произведены и одними внѣшними поводами, какъ желаютъ дарвинисты,

ибо типъ есть единообразно организованная система, а таковая не можетъ возникать, хотя бы и втеченіе долгаго времени, отъ извнѣ воздействующихъ случайныхъ причинъ, какъ и дождь, капли коего расплющиваются при паденіи на землю, не сумѣлъ измѣниться за милліоны лѣтъ, такъ чтобы являться въ плоской формѣ уже въ воздухѣ.

Итакъ, нужно постулировать, что при возникновеніи типа содѣйствуютъ и внутренняя и внѣшняя причины. Внутренняя причина есть суть природы; эта суть всецѣло налицо въ каждомъ принципѣ и, стало быть, также заключаетъ въ себѣ и всѣ законы и условія ихъ синтеза. Такъ, напр., въ каждой душѣ заключаются всѣ законы, по которымъ могутъ возникать любовь и ненависть, состраданіе, страхъ, надежда, уныніе, тоска, трагичное и комичное настроеніе и. т. д. Но ничего такого не возникаетъ безъ внѣшняго повода. Равнымъ образомъ въ принципахъ кислорода находятся всѣ законы, по которымъ онъ можетъ входить во всѣ соединенія съ металлами и во всѣ прочія неорганическія и органическія соединенія. Но ни одно соединеніе не происходитъ безъ достаточнаго внѣшняго повода. Точно также надобно постулировать, что въ каждомъ принципѣ находятся законы, по которымъ можетъ происходить организація всѣхъ видовыхъ формъ, если будутъ даны для этихъ системъ достаточныя внѣшнія причины.

Чѣмъ сложнѣе системы синтезъ законовъ, тѣмъ сложнѣе должны быть и внѣшнія условія, потому что вся природа вещей можетъ являться только въ строгихъ координаціяхъ. Естественно поэтому, что видовыя формы животныхъ и растений на землѣ совершенно разсѣяны, ибо

ихъ условія не вездѣ одинаково даются вмѣстѣ. И притомъ эти условія частью историческаго, частью физическаго рода, — физическаго, потому что климатъ, вода, воздухъ, химическія составныя части почвы и, вообще, вся среда должна совмѣстно удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ, чтобы гдѣ-либо появилась опредѣленная форма растеній или опредѣленный видъ животныхъ; — историческаго рода, потому что принципы, изъ которыхъ исходить организація типа, тоже не находятся непремѣнно въ томъ мѣстѣ, но могутъ быть туда доставлены: такъ географія животныхъ и растеній имѣеть не только физическую, но также историческую сторону.

Внутренняя причина требуетъ 1) нисхожденія внутри рода.

Но чтобы выразить эти постулаты еще спеціальнѣе, ни малѣйше не сходя всетаки на почву эмпирическаго изслѣдованія природы, мы должны принять въ соображеніе, что всѣ законы необходимымъ образомъ могутъ представляться только въ постепенной послѣдовательности, какъ это обнаруживается въ соподчиненіи при опредѣленіи понятій. Для каждаго болѣе спеціальнаго закона предполагается основаніемъ болѣе общій законъ; этотъ же послѣдній можетъ опять пониматься, какъ видъ еще болѣе общаго, и такъ вверхъ и внизъ въ логической необходимости, противъ которой невозможно никакое возраженіе. Какъ, напр., частныя формы треугольниковъ предполагаютъ общимъ условіемъ встрѣчу трехъ прямыхъ въ непараллельномъ направленіи, такъ не можетъ явиться и какого-либо вида растенія или животнаго, если въ принципѣ, которымъ организуется эта видовая форма, не совершились предшествующія синтезы законовъ. Изъ этого съ принудительною силою слѣдуетъ, что явленіе органическихъ типовъ можетъ

происходить только путем нисхожденія (Descendenz), т. е. только такимъ образомъ, чтобы общія условія для частнѣйшаго типа были даны въ производящемъ организмѣ. Поэтому внутренняя причина органическихъ типовъ точно такъ же, какъ и внѣшняя, имѣетъ историческую сторону, потому что не подобаетъ быть скачкамъ въ развитіи существъ. Спрашивается только, какъ же мыслить это подготовленіе видовыхъ формъ.

Здѣсь надо сперва припомнить выше-на требуетъ : разсмотрѣнную логическую ошибку дарвинистовъ ; отдѣльныя видовыя формы, стоящія логически рядомъ, они желаютъ вывести другъ изъ друга, приче́мъ, по ихъ мнѣнію, подъ вліяніемъ извнѣ дѣйствующихъ причинъ та или другая часть организма измѣняется количественно. Оказалось же, что въ системѣ невозможно измѣнить ни одной части безъ того, чтобы и вся система либо не измѣнилась вмѣстѣ съ тѣмъ, либо не разрушилась. Но каждый организмъ — система. И какъ, поэтому, въ одной и той же видовой формѣ никогда не можетъ произойти, напр., полового различія посредствомъ количественнаго измѣненія той или другой части, но только посредствомъ всеобщаго координованнаго измѣненія всѣхъ частей, т. е. вслѣдствіе принципиальной перемѣны системы, то нельзя и надѣяться воспроизвести рядомъ стоящія видовыя формы посредствомъ вліянія извнѣ.

Во внѣшнемъ же явленіи, значить, долженъ всегда происходить скачекъ въ развитіи : логически невѣрно требовать послѣдовательнаго непримѣтнаго перехода одной формы въ другую. Такъ какъ это ложное требованіе есть главное препятствіе къ познанію развитія въ природѣ, то нужно еще нѣсколько остановиться на немъ и попы-

таться выяснитъ болѣе сложныя формы явленія законовъ природы посредствомъ математическихъ аналогій, самыхъ простыхъ, т. е. самыхъ абстрактныхъ, и въ то же время наиболѣе наглядныхъ. Дарвинисты опираются на имѣющій всеобщее значеніе законъ непрерывности (Continuität), но они позабываютъ, что необходимо долженъ также существовать и законъ прерывности (Discretion), ибо всѣ противоположности требуютъ другъ друга, и одной нельзя мыслить безъ другой. Вѣдь добраго не бываетъ безъ злого, праваго безъ лѣваго, да и непрерывности не существуетъ безъ прерывности. Отсюда возникаетъ вопросъ, который же изъ обоихъ законовъ здѣсь находить себѣ примѣненіе. Какъ справедливость въ государствѣ требуетъ равенства передъ закономъ, такъ она же требуетъ, чтобы съ неравными обходились неравно, и чтобы всѣ почести и наказанія по заслугѣ и винѣ распредѣлялись неравномѣрно въ геометрической пропорціи. А какъ прерывность и непрерывность — коррелятивныя понятія, то, значить, ни одной вещи нельзя по себѣ опредѣлить посредствомъ одного изъ двухъ принциповъ, но всегда только вмѣстѣ, въ соотношеніи съ другимъ; наряду съ тѣмъ такое же самое противоположеніе будетъ повторяться въ области каждаго изъ обоихъ. Мы противопоставляемъ правое и лѣвое, но и на правой сторонѣ опять различаемъ, что лежитъ на лѣво, и что идетъ еще далѣе направо. Также и со всѣми коррелятивными понятіями. Поэтому мы можемъ и въ области непрерывнаго признать прерывность, и, напр., параллели называть прерывными линиями такъ же, какъ прямой линіи мы противопоставляемъ ломаную, или уголъ, какъ прерывно-непрерывное, ибо обѣ прямыя общимъ имѣютъ пунктъ вершины угла и потому непрерывны, но вслѣдствіе

противоположности направлѣнія являются прерывными. Точно также въ области непрерывности, напр., на числахъ, можно различать непрерывность; вѣдь и говорится о непрерывныхъ дробяхъ и непрерывныхъ пропорціяхъ. Но непрерывность обнаруживается тамъ, гдѣ или величина, или функція, или операція остаются тождественными; ибо понятіе непрерывности есть тождественность въ области величинъ. Въ этомъ расширенномъ смыслѣ возможно разсматривать непрерывными всѣ ряды, члены которыхъ образованы по тождественному закону, напр., ряды чиселъ, ряды степеней и т. д. Но поскольку величины образованы различными операціями, можно разсматривать нѣкоторыя, какъ относительно непрерывныя, другія, какъ раздѣленные скачкомъ. Согласно этому, прерывный ариѳметическій рядъ чиселъ, члены котораго раздѣлены постоянной разностью въ единицу, признается за рядъ относительно непрерывный; степени же, хотя сами по себѣ, какъ геометрической рядъ, также непрерывны, всетаки, поскольку ихъ корни нарастаютъ приложеніемъ единицы, по отношенію къ этой операціи какъ будто увеличиваются скачками, ибо мы при этомъ принимаемъ во вниманіе два различныя закона. А такъ какъ организмы состоятъ изъ прерывныхъ элементовъ, то мы должны ихъ разсматривать на подобіе прерывныхъ величинъ. Возьмемъ же самую простую систему, напр., произведеніе, както: $3 \times 8 = 24$. Если измѣнять каждый разъ одинъ изъ производителей прибавкою единицы, то получится не 25, какъ въ суммѣ, гдѣ посредствомъ увеличенія одного слагаемаго увеличивается на равную величину и сумма, но немедленно: 32 и 27, которыя какбы раздѣлены скачкомъ и другъ отъ друга и отъ 24; противно логикѣ предмета было бы тре-

бовать, чтобы 24 сперва передвинулось черезъ 25 и 26, прежде чѣмъ достигнуть 27 и 32. А на степеняхъ прямо видно, что измѣненіе одного производителя или тотчасъ должно упразднить всю систему, такъ что она не будетъ болѣе представлять никакой степени, или же это повлекло бы за собой одинаковое измѣненіе другого производителя, причемъ кажущійся скачокъ еще болѣе бросился бы въ глаза. Основаніе этихъ противоположныхъ явленій заключается въ томъ, что въ суммѣ части разсматриваются только въ ихъ абсолютномъ значеніи и не имѣютъ никакого систематическаго отношенія къ цѣлому; да и операція остается тождественною. Въ произведеніи же производитель имѣетъ свое значеніе по отношенію къ другимъ производителямъ, и измѣненіе произведенія опредѣляется посредствомъ двухъ различныхъ законовъ. Слѣдовательно, такіе непрерывные и непримѣтные переходы, какихъ требуютъ дарвинисты, возможны лишь тамъ, гдѣ дѣло не касается системъ, и элементы входятъ въ счетъ только по своему абсолютному, а не относительному значенію: напр., падающая капля постепенно долбитъ камень, но попадая на негашеную известь, вмѣстѣ съ механическимъ производитъ тотчасъ и химическое дѣйствіе, которое надо объяснить соотнositельно изъ другого закона. И даже въ чисто физической области можно указать подобныя явленія (кристаллизація): напр., непрерывно отнимаемая теплота обуславливаетъ всетаки не непрерывное, но скачкообразное появленіе льду. Значитъ, дарвинизмъ былъ бы правъ, если бы растенія и животныя были суммами. Но какъ никто не станетъ серьезно утверждать такого грубаго представленія, а богатое соотношеніями взаимодействіе элементовъ въ живыхъ существахъ при-

ходится объяснять, по крайней мѣрѣ, посредствомъ самой простой абстрактной системы, каково произведеіе, то и при всѣхъ системахъ природы, коихъ производители исполняютъ различныя функціи, а стало быть, и во всѣхъ организммахъ, необходимо отказаться отъ требованія незамѣтнаго безъ скачковъ перехода одной формы въ другую; логика требуетъ скорѣе одновременнаго существованія въ природѣ наряду только такихъ формъ, кои не произошли постепенно другъ ото друга, и лишь въ явленіи раздѣлены между собою бѣльшимъ или меньшимъ разстояніемъ.

Отъ этого кажущагося, но необходимаго скачка надо отличать дѣйствительный, но логически невозможный скачекъ, который состоитъ въ томъ, что отъ одной формы переходятъ къ другой безъ достаточныхъ причинъ. Чтѣ имѣеть достаточныя причины, то не можетъ образовывать въ природѣ зіянія (hiatus). Поэтому для вновь выступающихъ видовыхъ формъ мы должны требовать достаточной подготовки, чтѣ дарвинизмъ весьма удачно выразилъ терминомъ „нисхожденія“. Типы должны нисходить другъ ото друга, но не видовыя формы отъ видовыхъ, а видовыя отъ родовыхъ формъ. Логически это весьма легко доказать. Такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ организммахъ, значить, съ системами, то должна быть дана множественность разнообразныхъ частей. Смотря же по измѣненію одной части, измѣняются въ координаціи также и прочія части, если не гибнетъ функція цѣлаго. Поэтому, всякое цѣлое какой-нибудь системы должно являться родомъ для различныхъ отъ него нисходящихъ видовыхъ формъ. Пояснимъ это на прежнихъ простыхъ ариѣметическихъ примѣрахъ: такъ изъ произведеія (3×8), взятаго какъ родъ, смотря по

измѣненію 3 или 8, путемъ прибавленія единицы происходитъ 27 или 32, какъ видѣ. Эти оба вида, образованные нисхожденіемъ, разнятся другъ отъ друга бѣльшимъ или меньшимъ разстояніемъ и образовались изъ положенной въ основу и измѣненной въ одномъ производителѣ системы отнюдь не путемъ непрерывнаго приращенія, и не посредствомъ постепенной метаморфозы другъ изъ друга, но однимъ толчкомъ вслѣдствіе внутренней необходимости на ряду другъ съ другомъ въ строго опредѣленномъ различіи. Этотъ примѣръ, естественно, не даетъ представленія о глубокомысленной системѣ координацій, которая во всякой видовой формѣ даже у наипростѣйшихъ растений и животныхъ исполняетъ насъ удивленіемъ; необходимо лишь представить разсудку въ самой голой формѣ тотъ законъ, что видовая форма можетъ произойти нисхожденіемъ не отъ соподчиненной ей видовой формы, но только отъ родовой формы, лежащей въ основѣ ихъ обѣихъ сообща.

Различіе между родомъ и послѣднею видовой формою — естественное. Можетъ, пожалуй, показаться, что противоположеніе рода и вида принято произвольно, такъ какъ вѣдь всякій видъ опять долженъ считаться родомъ для другихъ видовъ. Но это не такъ; въ природѣ мы имѣемъ дѣло не со случайными мозаичными обликами, но съ системой законовъ, дозволяющихъ только ограниченное число синтезъ, и исключаящихъ всѣ прочія, какъ невозможныя. Это можно видѣть въ каждой наукѣ, какъ, напр., въ юриспруденціи: всѣ безчисленныя возможныя правовыя отношенія людей сводятся въ ней не на безчисленные виды законовъ, но только на большое число строго опредѣленныхъ типовъ, по которымъ каждый случай получаетъ свой отпечатокъ и спра-

ведливо обсуждается. Или вернемся опять къ ариметикѣ, не стѣсненной въ точности своихъ опредѣленій, подобно наукѣ права, различіемъ права положительнаго и естественнаго, но сводящей всю тьму численныхъ операцій на четыре (правила) вида, имѣющіе точный и неизмѣнный типъ. Движеніе въ безконечность (*progressus ad infinitum*) — всегда противъ смысла и духа природы, ибо природа содержитъ систему законовъ; гдѣ же, повидимому, выступаетъ безконечное, тамъ можно быть увѣреннымъ, что имѣешь дѣло только съ перспективнымъ воззрѣніемъ, а не съ дѣйствительнымъ свойствомъ природы; такъ какъ связь причины и дѣйствія безвременна, то міръ, какъ выше было показано, не можетъ быть несовершеннымъ и еще только ожидать будущихъ событій; онъ есть абсолютная система, повсюду законченная. Поэтому каждый видъ не есть опять родъ и такъ до безконечности, но дифференцированіе повсюду достигаетъ предѣловъ, далѣе которыхъ не можетъ болѣе образовываться новыхъ общихъ синтезъ, потому что новыя образованія должны вѣдь всегда оставаться въ соотношеніи съ общею системой природы, должны быть точно опредѣлены одинаково, какъ прошедшимъ, такъ и будущимъ, какъ ближайшей средою, такъ и отдаленнѣйшими условіями. Дабы и это свойство природы внутренно себя самоограничивать показать на ясномъ примѣрѣ въ математикѣ, я напомню, напр., о точно опредѣленномъ числѣ и видѣ коническихъ сѣченій. Такимъ образомъ природа повсюду сама полагаетъ себѣ предѣлы, становящіеся по себѣ необходимыми изъ отношенія каждой части къ цѣлой системѣ; строй природы, какъ безвременное цѣлое, округленъ и законченъ.

Но подъ родами нельзя представлять себѣ чего-либо отвлеченнаго, ну хоть вродѣ обозначеній въ зоологіи, въ ко-

торыхъ совмѣщаются общіе признаки одного ряда видовъ; подобныхъ отвлеченностей и не существуетъ въ мірѣ. Чтѣ существуетъ, то всегда опредѣлено; если идетъ рѣчь о животныхъ, то родъ можетъ быть только опредѣленнымъ видомъ ихъ. Но послѣдній можетъ оказать себя родомъ лишь такъ, что отъ него могутъ исходить новыя, до сихъ поръ не являвшіяся видовыя формы. Меня могутъ спросить, какіе же изъ нынѣ существующихъ видовъ животныхъ и растеній нужно принять за роды, и какіе изъ геологическихъ видовъ были родами для нынѣшнихъ видовъ? Такой вопросъ дозволителенъ; но отъ меня непременно воспослѣдуетъ отвѣтъ, что я не желаю вдаваться въ это: какъ философъ, я держусь только своей области, и не помышляю портить работу естествоиспытанія. Натуралисты должны изыскать это, и если сего нельзя никогда доказать съ ясностью, то, по крайней мѣрѣ, постараться найти самое вѣроятное рѣшеніе.

Дифференцированіе требуетъ исходной точки въ принципѣ системы. Философу остается только въ самыхъ общихъ чертахъ выяснить сущность дифференцированія. Это объясненіе, естественно, должно быть различно, смотря по точкѣ зрѣнія философа. У матеріалиста не достаетъ идеальнаго элемента міра, системы законовъ; поэтому ему приходится возводить на тронъ одинъ лишь случай; а это очень плохой правитель, ибо поступаетъ не по принципамъ и не по правиламъ. Идеалисты и спинозисты напрасно истощаются въ попыткахъ путемъ дифференцированія достигнуть такъ называемой индивидуализаціи всеобщаго, которая изъ ихъ предположеній невозможна; ибо у нихъ всегда необходимо недостаетъ, какъ я показалъ въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ, двухъ вещей: во первыхъ, полаганія, т. е. шага отъ идеи

къ дѣйствительности, и во вторыхъ, реальнаго основанія единства для найденной индивидуальной формы. Посему эти три міровоззрѣнія я и счелъ несостоятельными въ объясненіи дѣйствительно данныхъ феноменовъ. Надобно, какъ выше доказано, дѣйствительныя явленія свести на общеніе живыхъ единообразныхъ существъ, въ своейnutри носящихъ въ качествѣ закона систему формъ своего явленія. Только такъ отъ пустыхъ и схематичныхъ отвлеченій можно притти къ ясному воззрѣнію и дѣйствительной мысли, ибо природу мы можемъ постигать только по аналогіи съ извѣстной намъ жизнью души. Такъ мы видимъ, что всяческая жизнь покоится на законообразно дѣющей природѣ внутри каждаго простаго реальнаго принципа.

Такъ какъ объ этомъ я уже говорилъ выше, то прямо перехожу къ объясненію дифференцированія. Дарвинисты какъ разъ дѣлають ту ошибку, что они стараются достигнуть дифференцированія вида и перехода въ другой тѣмъ предположеніемъ, что какая-нибудь часть организма, вступившая въ борьбу и взаимодействіе со средою, измѣняется, благодаря этимъ вліяніямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу достигаетъ де измѣненія. Они не обращаютъ вниманія на то, что типъ имѣеть свою внутреннюю причину — въ элементарномъ принципѣ организма, и считаютъ, какъ органическіе, такъ и вообще всѣ законы природы — простыми абстракціями. Если же бы эти законы не обладали въ реальныхъ элементарныхъ принципахъ могущественною исполнительною властью, то они были бы столь же шатки и нарушимы, какъ законы въ государствѣ, въ которомъ недостаетъ исполнительной власти. А такъ какъ типъ есть система законныхъ отношеній, то, слѣдовательно, безъ измѣненія въ принципѣ и типъ также никогда

не можетъ стать инымъ, хотя кое-какія незначительныя измѣненія, какъ просторъ для жизни, всегда могутъ возникнуть внутри типа. Новый же типъ требуетъ и координованнаго измѣненія во всей системѣ. Значить, для объясненія дифференцированія типа, нужно вернуться къ пункту единства, изъ котораго, какъ изъ центра, всякая система опредѣлена во всѣ стороны. Этому же пункта нельзя философски опредѣлить такимъ образомъ, чтобы тотчасъ при каждомъ животномъ и каждомъ растеніи, или и при неорганическихъ соединеніяхъ и духовныхъ синтезахъ давался въ руки философскій камень, дабы съ нимъ, какъ при помощи магіи, ориентироваться безъ опытнаго наблюденія и знанія. Наоборотъ, философія можетъ опредѣлить понятіе только самымъ общимъ образомъ и спеціальному изслѣдованію должна предоставить разыскать въ данной системѣ пунктъ, удовлетворяющій этому постулату. Я хочу пояснить свою мысль примѣромъ изъ геометріи. Предположимъ даннымъ равносторонній треугольникъ и будемъ разсматривать его элементы, подобно вещамъ въ природѣ, измѣняемыми. Представимъ себѣ, что въ немъ въ силу нѣкоей причины появился прямой уголъ: тогда тотчасъ же должна измѣниться и вся система фигуры. Одна сторона необходимо станетъ длиннѣе, чѣмъ двѣ другія, а квадратъ ея будетъ равенъ суммѣ квадратовъ обѣихъ другихъ: каждый прилегающій къ прямому углу квадратъ стоитъ въ опредѣленномъ отношеніи къ прямоугольнику изъ цѣлой гипотенузы и одного изъ ея отрѣзковъ, образованнаго перпендикуляромъ изъ вершины прямого угла; самъ перпендикуляръ становится среднимъ пропорціональнымъ между двумя отрѣзками; оба черезъ перпендикуляръ произошедшіе треугольничка подобны другъ другу и цѣлому

треугольнику: гипотенуза становится поперечникомъ описаннаго круга, а вершина прямого угла ложится на окружность и т. д. Короче сказать, ясно, какъ изъ точки, опредѣляющей типъ, немедленно слѣдуетъ законѣрный, новый порядокъ всей содержательной системы, причемъ каждая часть въ ней вслѣдствіе отношенія къ дифференцированію типа и сама дифференцируется. Для того, чтобы прослѣдить это далѣе, необходимо только отыскать тѣ же отношенія въ равностороннемъ треугольникѣ; тотчасъ окажется, что и тамъ вмѣстѣ съ образующей типъ точкою необходимо дается система координированныхъ опредѣленій; обѣ системы обнаружатъ не только въ той или другой, но во всѣхъ частяхъ послѣдствія дифференцированія.

Дифференцированіе Мы на этомъ не остановимся, но отыщемъ совершается въ еще реальный принципъ, въ которомъ дифференцированіе происходитъ, опять таки посредствомъ метаморфозы — лишь въ общемъ соображеніи, а не въ качествѣ естествоиспытателя. Принципъ же можетъ быть только тѣмъ самымъ, отъ котораго исходитъ и всякая организациа. А какъ мы выше видѣли, что для каждаго организма, поскольку онъ есть единообразная система, мыслимъ одинъ только организующій принципъ, то ближайшая возможность та, что въ самомъ реальномъ принципѣ организма происходитъ превращеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ въ остановку дотолѣ организовавшая дѣятельность его, для того, чтобы, соотвѣтственно превращенію, уступить мѣсто организованію другого рода. Такое явленіе называютъ метаморфозою. Общее обоснованіе такого превращенія въ типически организующей дѣятельности принципа мы изложили выше (на стр. 25 и 42); мнѣ стѣбитъ только напомнить, что никакая дѣятельность

не можетъ оставаться абсолютно оцѣпенѣлой и тождественной, ибо каждый принципъ во всякой дѣятельности необходимо соотвѣтствуетъ координаціямъ другихъ принциповъ съ ихъ дѣятельностями. Слѣдовательно, всегда должно паступать постоянное и закономѣрно упорядоченное измѣненіе функций; этимъ объясняется основаніе метаморфозы, насколько это возможно въ общихъ понятіяхъ. Здѣсь остается, конечно, еще изслѣдовать историческое основаніе и процессъ, подлежащій въ частности изслѣдованію естественныхъ наукъ; — не философія призвана на это дѣло. Точно также философіи нѣтъ необходимости знать факты метаморфозъ; ими она можетъ только пояснять свой выводъ. А повсюду, какъ напр., въ метаморфозахъ насекомыхъ, видно, какъ организующій принципъ въ опредѣленный моментъ пріостанавливается со своей дотолѣнней дѣятельностью и переходитъ къ организаціи, совершенно различной отъ прежней, такъ что, напр., изъ живущей въ водѣ личинки въ послѣдствіи происходитъ рѣющая по воздуху стрекоза.

— или посредствомъ нисхожденія. Если это — первая возможность дифференцированія образующей типъ природы, то есть еще вторая возможность: организующій принципъ не самъ переходитъ къ иной эволюціи, а его побуждаетъ къ тому другой реальный принципъ. Но такъ какъ дифференцированіе возможно только на общей почвѣ рода, какъ этого требуетъ логика, то другой принципъ долженъ прежде всего сдѣлаться однороднымъ первому принципу. А это можетъ произойти только такимъ образомъ, что онъ будетъ принятъ въ жизненное общеніе, т. е. въ тѣлесную систему перваго принципа и затѣмъ подъ вліяніемъ его организующей дѣятельности будетъ приведенъ къ подобообразному внутреннему развитію. Такъ

какъ эти общія понятія не даютъ намъ никакого нагляднаго представленія, призовемъ въ помощь опытъ. Мы видимъ этотъ процессъ повсюду въ природѣ, какъ въ наипростѣйшей, такъ и въ сложнѣйшей. Это — то, что называется развитіемъ воспроизводящихъ тканей. Послѣднія бесполезны самому индивиду, ибо не имѣютъ служебной функціи ни въ какомъ организмѣ, т. е. онѣ не принадлежатъ, подобно прочимъ частямъ, отдѣльнымъ отношеніямъ системы, какъ напр., части легкихъ, желудка, печени: подобно дѣтямъ въ домѣ, онѣ — самостоятельные центры новой жизни; благодаря ихъ приему и положенію въ организмѣ, онѣ только уподобляются организующему принципу. Что пища, воспринимаемая организмами, перерабатывается самимъ организмомъ, и наконецъ, въ орудіяхъ воспроизведенія развивается до устройства, подобообразнаго принципу или душѣ организма и до подобной организующей силы, это видно изъ результата, потому что сѣмя, если ему въ такъ называемомъ воспроизведеніи доставляются необходимыя для самостоятельной жизни условія, организуетъ подобныя же тѣлесныя системы.

Способъ образованія новыхъ принциповъ для сходныхъ типовъ можетъ происходить различными путями, о чемъ я уже говорилъ въ предыдущемъ сочиненіи „Безсмертіе души“ — въ главѣ „о происхожденіи души.“ Насъ интересуютъ здѣсь не сами эти различныя формы происхожденія, а только дифференцированіе типа, которое начинается принципами, развившимися въ орудіяхъ воспроизведенія. Но мы видѣли, что метаморфоза принципа зависитъ отъ данныхъ координацій въ системѣ природы; какъ изъ апіорнаго соображенія слѣдуетъ, такъ и подтверждается всяческимъ опытомъ, что каждый актъ метаморфозы закономѣрно зависитъ отъ стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ.

Точно также ничто не мѣшаетъ принципамъ, скопившимся въ орудіяхъ воспроизведенія, разъ они сдѣлались однородны воспроизводящему принципу, при своемъ самостоятельномъ выступленіи развивать вмѣсто того же самаго какой-нибудь иной типъ, если жизненные условія, при которыхъ они переходятъ къ организующей дѣятельности, стали иными, чѣмъ тѣ, которыя нашелъ для себя воспроизводящій принципъ. И какъ послѣдній метаморфозуется при данныхъ обстоятельствахъ, такъ же это дифференцированіе типа можетъ происходить изъ принциповъ, сдѣлавшихся ему подобными. Такимъ образомъ можно бы вывести совершенно различную отъ дарвинствующей теорію нисхожденія, т. е. происхожденія разнородныхъ типовъ изъ сѣменныхъ потомковъ даннаго организма. Нашъ выводъ строго философскій и ни малѣйше не касается задачи натуралиста, которому пришлось бы доказать путемъ наблюденія надъ частностями, отъ какого типа растеній и животныхъ какіе могутъ происходить опредѣленные типы, родственные по роду, различные по виду, и какіе дѣйствительно происходятъ, или произошли. Но ясно, что натуралистъ не можетъ прямо наблюдать внутренняго расположенія сѣменныхъ потомковъ; ибо нутрь можетъ открываться одному лишь самосознанію, да и ему только съ высшей точки развитія непосредственно, между тѣмъ какъ элементарныя ступени, повидимому, остаются за порогомъ сознанія. Поэтому натуралисту доступенъ только непрямой путь: именно, отъ дѣйствій заключать къ причинамъ. Совершенно, значить, въ порядкѣ вещей, что дарвинисты занимаются лишь морфологическимъ явленіемъ, а кромѣ того обращаютъ вниманіе и на физическіе, химическіе и біологическіе признаки; ибо естествоиспытателямъ предстоитъ объектомъ только чув-

ственно воспринимаемый эмбриональный и болѣе поздній образъ живыхъ существъ; какъ о поэтѣ судятъ по его вымысламъ, такъ и натуралисту приходится судить о принципѣ лишь по дѣйствительно являющимся результатамъ. Эти внѣшніе результаты обнаруживаются въ такъ называемыхъ формахъ вещей; одержимый чувственно наивною точкою зрѣнія считаетъ эти явленія за сущность природы, подобно тому, какъ у Свифта лошади принимаютъ платье Гулливера за его кожу и очень удивляются, что онъ свою кожу можетъ по произволу снимать и надѣвать. Гулливеру же подобна природа, которая слагаетъ и налагаетъ формы явленія и безпрестанно превращаетъ ихъ. И какъ было бы нелѣпо объяснять происхожденіе стихотворенія не замысломъ поэта, но случайнымъ совпаденіемъ и групповымъ явленіемъ буквъ, точно такъ же ошибочно было просмотрѣть въ организмахъ организующее единство сѣменного элементарнаго принципа и выводить формы и различія таковыхъ изъ случайныхъ воздѣйствій выступающихъ при этомъ внѣшнихъ явленій. Естествоиспытателю, конечно, надобно изучать законы этихъ явленій: безъ зависти и съ благодарностью мы дивимся его приобрѣтеніямъ; но истинный натуралистъ не захочетъ переступить границъ своей области, не станетъ думать, что онъ изслѣдовалъ что-либо иное, кромѣ только отображенія дѣйствительной природы. Дѣйствительность открывается не чувствамъ, а одному лишь разуму, самому себя познающему.

Устраняется
возраженіе противъ
метаморфозы.

Противъ этихъ двухъ философски выведенныхъ формъ развитія можно возражать двоякимъ образомъ. А именно: во первыхъ, извѣстные изъ опыта метаморфозы въ послѣдней стадіи, повидимому, всетаки опять склоняются къ началу, такъ какъ сѣмя воспроизводитъ опять организмъ первой стадіи.

Но если бы это и дѣйствительно было такъ безъ исключенія во всѣхъ до сихъ поръ наблюдавшихся метаморфозахъ, то всетаки отсюда никакъ нельзя было бы вывести опроверженія предыдущей теоріи; ибо опытъ по ученію логики можетъ только указывать, что въ этихъ опредѣленныхъ случаяхъ бываетъ такъ, но никогда не можетъ доказать, что во всѣхъ случаяхъ должно быть такъ. Изъ того, что Земля, Юпитеръ и Сатурнъ имѣютъ спутниковъ, не слѣдуетъ необходимо, что и у Марса и у Венеры есть таковыя же. То, что метаморфозующіе организмы производятъ сѣмя, которое не въ состояніи тотчасъ опять повторить организацію послѣдней стадіи, доказываетъ только, что природа въ этихъ опредѣленныхъ случаяхъ не можетъ такъ высоко образовать сѣмя и снабдить его необходимымъ матеріаломъ для организаціи; но что невозможны организмы, производящіе при метаморфозѣ одновременно и воспроизводительныя вещества, которыя повторяютъ одинъ только послѣдній типъ, — этого нельзя доказать никакимъ опытомъ. Кто не можетъ дать внутренняго основанія этой мнимой невозможности, тотъ пусть остерегается ставить природѣ такія границы, ибо дальнѣйшій опытъ обыкновенно ниспровергаетъ такія ненаучныя утвержденія, которыми природа безосновательно заключается въ цѣпи, и посрамляетъ ихъ представителей. Факты остаются фактами, но въ качествѣ таковыхъ совсѣмъ еще не выказываютъ основанія необходимости, съ которымъ они сообразуются.

Устраняется второе возраженіе [могло бы касаться возраженіе про- теоріи нисхожденія. Можно было бы тре- тивъ теоріи бовать, чтобы апріорный выводъ подгрѣ- нисхожденія. блялся нѣкоторыми неоспоримыми фактами. Но на такое требованіе нѣтъ никакого права; — возможно только желать

этого. Это желаніе раздѣляю и я самъ. Но пожеланіями при-
мѣровъ невозможно опровергнуть ни одной теоріи, если
нельзя указать внутренней невозможности или противорѣчія
общепризнаннымъ законамъ природы. Когда Брунел-
лески обѣщаль построить куполь во Флоренціи изъ массивнаго
камня безъ сооруженія лѣсовъ, математически усмотрѣвъ
механическую возможность, то надъ нимъ смѣялись, потому
что до тѣхъ поръ не было опыта въ чемъ-либо подобномъ.
А онъ всетаки исполнилъ свое дѣло. Стало быть, нужно
уважать законы логики, ибо опыты, правда, могутъ показать
возможность какой-нибудь вещи, но недостатокъ опыта ни-
когда не доказываетъ невозможности ея. Опыта, легко
возможно, недостаетъ потому лишь, что координаціи насто-
ящаго хода природы допускаютъ сѣмя существующихъ
организовъ только повторять одинакій типъ. Дифференциро-
ваніе же посредствомъ скрещиванія и перемѣны климата
доставляетъ уже достопримѣчательныя указанія. Но, быть
можетъ, въ каждомъ случаѣ для организованія новыхъ
типовъ необходимъ гораздо болѣшій переворотъ (вродѣ
тѣхъ, что указываютъ геологическіе періоды), такъ что
рядъ типовъ былъ бы въ то же время исключительно
историческимъ и недоступнымъ эксперименту. Изло-
женная мною теорія не имѣетъ и малѣйшаго притязанія
дать рѣшеніе какого-нибудь опытнаго вопроса, но строжайше
ограничивается только общими предположеніями, согласно
которымъ мы объясняемъ и понимаемъ явленія. Для этихъ
чисто принципіальныхъ вопросовъ она во всякомъ случаѣ
требуетъ себѣ признанія или опроверженія.

О различіи задачъ и изслѣдованія въ философіи и есте-
ствознаніи.   Метаморфоза и сѣменное нисхожденіе
будутъ, значить, единственными раціональ-
ными элементами, изъ которыхъ можно

объяснять возникновеніе новыхъ типовъ въ мірѣ. Слѣдовательно, надобно признать непрерывную цѣпь порожденій. Но философски нельзя доказать, что отдѣльные геологическіе періоды связаны генеалогически : рѣшить этотъ вопросъ — дѣло одного только эмпирическаго изслѣдованія природы ; однако, такъ какъ вся природа образуетъ связную систему, то съ большою вѣроятностью возможно говорить о томъ, что отъ каждаго періода оставались цѣлыми какимъ-нибудь образомъ родичи, сѣменные потомки которыхъ, согласно измѣнившимся условіямъ природы, развились до дифференцированныхъ типовъ. Но не задача философіи выяснить это.

Здѣсь мы достигли конца своего изслѣдованія. Повсюду я обращалъ вниманіе на то, какое коренное различіе имѣется между философскимъ и эмпирическимъ разсмотрѣніемъ, и какъ строго каждое изъ нихъ должно держаться своихъ границъ, если желательно пріобрѣсть не слабое и фантастичное, но дѣйствительное познаніе. Ибо всякая дѣйствительная мощь основывается на правѣ, лежащемъ въ природѣ вещей. Поэтому пусть обѣ науки заключать дружественный союзъ, и каждая со своей стороны способствуетъ разрѣшенію проблемы. Естественныя науки въ теоріи нисхожденія для своихъ эмпирическихъ результатовъ до сихъ поръ могли заявлять право только на проблематичную увѣренность и частное значеніе, но за то пріобрѣли богатое сокровище наблюденій и тонкихъ анатомическихъ и фізіологическихъ сравненій, которыя мы принимаемъ съ благодарностью и удивленіемъ. Философія со своей стороны должна, наоборотъ, всегда казаться бѣдною и бесплодною, ибо она имѣетъ вращаться только въ общихъ понятіяхъ разума ; но никто не захочетъ отрицать, что безъ понятій невозможно ничего и понимать, а общее имѣетъ

значеніе относительно всего частнаго. Въ этомъ самоограниченіи простыми требованіями чистаго разума именно — сила и достоинство философіи, ибо разумъ предполагается міромъ и всякою наукой. Разумъ же требуетъ единства міра, какъ живой системы; но этой цѣли ищетъ и достигаетъ на другомъ пути и сама опытная наука; ибо конечное является только перспективно, какъ безпредѣльное, но по истинѣ смыкается въ безконечный кругъ вселенной. Поэтому опытъ и философія встрѣчаются въ изслѣдованіи міра; слово поэта, которое Карлъ Риттеръ избралъ эпитафюмъ, все остается истиннымъ:

„Хочешь ли вступить въ безконечное, —
Ступай только во всѣ стороны въ конечномъ.“

